

НАТАЛЬЯ САПУНКОВА

ПРЯНИЧНЫЕ
ТУФЕЛЬКИ

16+

Наталья Сапункова

Пряничные туфельки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64884836

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97229-2

Аннотация

Дочь графа раз за разом не желает замуж. Так почему бы не наказать её, лишив привилегий и выдав за первого встречного? Только тут «капризной принцессе» не пришлось расписывать горшки, как в известной сказке – она очутилась в бродячем цирке! Она умеет гениально готовить выпечку, превращаться в рысь и совершенно не собирается жить с навязанным мужем. Но не так-то просто сделать всё по-своему и создать из ничего... почти из ничего свой собственный «пряничный замок». Но она очень постарается! И кажется, всё интересное в её жизни только теперь и начнётся... ХЭ, конечно, неминуем, как и в любой книге этого цикла) Содержит спойлеры к роману «Шут и слово короля». Тот же мир тридцать лет спустя.

Содержание

Глава 1. Пряники от леди	5
Глава 2. Шаг вперед	36
Глава 3. Пестрая дорога	63
Глава 4. По камешкам...	96
Глава 5. Сладости с перцем и без	121
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Наталья Сапункова

Пряничные туфельки

Тридцать лет спустя после событий романа «Шут и слово короля». Самостоятельная история, но в некоторой мере спойлер, поэтому лучше читать после «Шута».

Добро пожаловать в мир Побережья...

Глава 1. Пряники от леди

Третий день рождения своего первенца и наследника граф Ленгар праздновал с размахом, и только леди Ринна Венеш, единственная сестра графа, не радовалась. Но кому какое дело? Множество гостей, торжественное усаживание мальчика на боевого коня под одобрительный рёв толпы, пир на поляне перед замком, угощение для горожан прямо на улицах – свиные туши, жареные на вертелах, пироги и вино. Не обошлось без цирковых представлений, без танцев на площади, без разбрасывания мелких денег, среди которых изредка попадались серебряные, без большого бала, без огненного фейерверка в замковом парке...

Ринна понимала, что следующее развлечение будет завтра и с её участием. Завтра брат желает объявить её помолвку. С герцогом Ольгером из Кандрии. Которому уже исполнилось пятьдесят! Представить себя женой седого старика она не могла. Это было во много раз хуже, чем все предыдущие варианты. Казалось бы, о чём переживать? Отказаться, и всё.

Ах, если бы...

Брат на этот раз не тратил время на уговоры, он высказался кратко:

– Если вы не согласитесь на помолвку, леди сестра, я прикажу утопить вашу драную кошку. У вас на глазах, конечно. Любому терпению есть предел, понятно вам?

Да, она пыталась. Просить, возражать, возмущаться. Но всё, конечно, было понятно. И то, что всегда есть возможность что-нибудь придумать, было понятно тоже.

– Надеюсь, завтра у нас будет счастливый день, – сладко сказала вчера леди Бьюла. – Я молилась, Ринна. Мы все молились. Должно же когда-нибудь Пламя просветить ваш разум.

Графиня, жена Клайка Венеша, графа Ленгара. Она сказала это громко, за общим столом.

– Тогда я тоже помолюсь о вашем просветлении, Бьюла, – вкрадчиво ответила Ринна, – просветление полезно всем, правда?

Графиня насупилась и уткнулась в свою тарелку, другие дамы за столом тоже примолкли, искоса поглядывая на сестру графа и на её светлость. Не то чтобы война, но сдержанное противостояние между ними тянулось уже не первый год. Хотя это обычно, когда жена и золовка не очень ладят. Но тут, конечно, всё настолько запущено, что только на Пламя Светлое и уповать! Потому что сестра графа удивительно вздорная, плохо воспитанная и самонадеянная особа, к тому же начисто лишённая здравого смысла! Кто в этом сомневается, тому объяснят, что он не прав.

Вот такая она, Ринна Венеш. Несчастье семейства, вечное испытание для графини, наказание для графа, и вообще удивительно, почему к ней ещё сватаются? Нет больше девицы, что посмела бы так себя вести! А всего-то и дел отка-

зять несколькими женихам. Точнее, семи? Или восьми? Хотя вездесущая молва уже увеличила их число по меньшей мере вдвое.

После того обеда графиня пришла на балкон, где Ринна устроилась с книгой.

– Ах, я посижу немного с вами? Что за беспокойный день. Но это такое счастье – сыну три года! И счастье, и гордость! Ничего, настанет день, когда вы меня поймёте.

– Я и понимаю, и разделяю, Бьюла, – мирно заметила Ринна. – Я ведь люблю Дарина, он мой племянник.

– Ах, но это совсем не то! Материнские чувства – это... Я всё поняла, лишь когда сама произвела на свет моего чудесного мальчика.

– Я верю, Бьюла. Вы хотели отдохнуть, может, посмотрите книгу? Мне недавно прислали много новых книг. Есть любопытные.

Обсуждать материнские чувства Ринне не хотелось. Да, вот как ни странно – не хотелось.

– Потом, – махнула та рукой, – знаете, я ведь знакома с вашим женихом. Мой отец не раз принимал его в нашем горном поместье. Герцог любит охотиться. Я была в него немного влюблена. Он такой сильный, ловкий, и вообще очень симпатичный.

– Только его сыновья старше меня. Как считаете, я испытая материнские чувства, если выйду за него замуж? А какие-нибудь иные чувства, предваряющие материнские и по-

ложенные в браке?

– Ах! Не говорите непристойности! Вы незамужняя девица! – невестка покраснела.

– Простите? – изобразила удивление Ринна. – Доверие, расположение, уверенность. Что в этом непристойного?

Она насмешничала, конечно, и намекала не на доверие и расположение. Но для Бьюлы внешние приличия были на первом месте, и если незамужней девице следовало быть наивной в интимных вопросах, то эту наивность Ринна должна была демонстрировать до старости – если не выйдет замуж, конечно. Но она была вполне осведомлена, так уж вышло. Она – тай...

– Кто вам помешает испытать это? – продолжала наседать графиня. – На герцога Ольгера заглядываются все леди!

– Даже теперь? Очень мило. Как считаете, я скоро стану вдовой и наследники укажут мне моё место?

– Ринна, дорогая, вы не забыли, сколько лет вам? – вспыхнула Бьюла.

– Двадцать три, а что?

– Позвольте, но это уже не семнадцать!

– Но до пятидесяти пока далеко!

Невестка уже не впервые на разные лады повторяла одно и то же. Сама она вышла замуж за Клайка в семнадцать, а Ринна в её двадцать три уже старая дева. В чем сама и виновата, конечно: надо быть разумной и слушаться родственников.

– Вам раньше следовало об этом думать, – резонно заяви-

ла графиня. – А теперь миритесь с тем, что есть. И вообще, с таким отношением к браку можно было уже уйти в монастырь. Подумать только, вас добивались знатнейшие лорды Побережья! Даже кандрийской принц, ну и что с того, что он вам не нравится? В данном случае титул искупает всё! А вас теперь зовут капризной принцессой и не иначе!

Эта ненужная беседа раздражала леди Ринну неимоверно.

– У меня нет ни малейшей склонности к монастырской жизни, Бюла, – сказала она, – я уже это объясняла. И я прошу лишь оставить меня в покое! Уеду к себе, в мой Нартель, и можете хоть совсем обо мне не вспоминать! Отец позволил и брат с этим согласился, в конце концов!

Нартель – это маленький замок возле моря, часть маминного приданого, который отец передал Ринне на шестнадцатилетие.

Графиня скептически хмыкнула.

– Какой вы ещё неразумный ребёнок, на самом деле!

Она была на целых три года старше золовки.

– Вам и так потворствовали, но это не может продолжаться вечно! – с пафосом заявила графиня, уходя.

А потом появился брат и окончательно объяснил, что к чему. Что любому терпению есть предел, видите ли.

Да, отец позволил ей – самой выбирать мужа. Он обещал это её умирающей матери! Он завещал это брату! Но ей не предоставили настоящего выбора, лишь предлагали иногда варианты, которые она не захотела принять. И король рас-

сержен. А над ней действительно смеялись по всему Руату и дальше, называя капризной принцессой! Но утопить Мику, её зверя, её ручную рысь?! Брат совсем с ума сошёл?!

– Ты этого не сделаешь, Клайк! – воскликнула она гневно.

Они всё-таки семья. Есть вещи, которые близкие люди делать не должны! Это жестоко и оскорбительно, в конце концов!

– Думаешь, я хочу? – пожал плечами граф Ленгар. – Если с тобой иначе не справиться, я сделаю это. Клянусь Кровью и Честью. Я уже приказал запереть её в зверинце. Ты поняла, Ри? Ты соглашаешься стать невестой графа Ольгера. Всё.

Действительно, всё. Мика – под замком. Ручная рысь, которую принесли в замок маленьким котёнком. Ринна – тай. От матери она унаследовала способность подчинять животных, общаясь с ними мысленно. Способность, которой испокон веков владеют некоторые семьи Руата – говорят, в их стране таев больше, чем где-либо. К своему зверю у тая отношение особое. Ринна не способна позволить убить Мику – Клайк знает, чем грозить...

Завтра в полдень в Большой зал замка набьется множество народу, все гости праздника, и ещё толпа соберется под балконом. Всем любопытно, поскольку уже пошёл слухок, что на этот раз «капризной принцессе» не дадут капризничать.

Пир ещё продолжался, Ринна ушла раньше, сославшись на головную боль. С помощью горничной она избавилась от

парадного платья и влезла в самое простое. Повязала длинный, до пола фартук – теперь она сама стала почти похожа на одну из многочисленных служанок замка. Почти – потому что лень было разбирать причёску, чепцом прикрыть – и довольно. И серьги остались, маленькие, золотые, с ярко-голубыми топазами – мамины, и подвеска на золотой цепи, хорошо заметная в ворота платья. Вот кольца с рук она сняла – в кухне это мешает. Если замесить тесто на лепешки, это помогает восстановить душевное равновесие. А когда оно восстанавливается, в голову приходят хорошие решения.

– Я к Ноне, – сказала она горничной, – запри дверь и всем говори, что я сплю.

– Но миледи, её светлость в прошлый раз гневалась, что вы были в кухне! – заметила горничная Этель, которая была не в меру разговорчивой. – Лучше не сердите её лишний раз, умоляю!

Ринна только рассмеялась – Бюла гневалась, это серьезно? Она совсем не боялась сердитую её светлость, вот ещё!

– Вот что, лучше ты не серди меня! – посоветовала она и ушла, хлопнув дверью.

Огромное помещение кухни, разделенное невысокими, не до потолка, стенами, гудело от шума и голосов, ещё и смеялся кто-то! Странно, ведь пир завершался, готовить уже прекратили, только слуги ещё бегали, приносили что-то и уносили – как раз то время, когда поварам и судомойкам впору падать от усталости.

Голоса доносились из-за загородки, за которой обычно ели слуги, Ринна туда заглянула. За длинным накрытым столом собралось много народу, и слуги, и незнакомцы, они ели, разговаривали, смеялись. Большинство, прихлопывая, наблюдало, как на небольшом местечке в стороне от стола танцевала пара – парень и девушка, девушка перебирала и притоптывала ногами, и ещё подбрасывала цветные шарики, а парень танцевал на руках и крутил ногами в воздухе. А у края стола сидели три здоровяка с непомерно раздутыми мышцами, их Ринна видела на цирковом представлении. Всё понятно, стол для циркачей накрыли здесь. Ринна испытала досаду – чужие вторглись туда, где она собиралась отдохнуть и подумать. Да-да, отдохнуть и подумать – в кухне, ну и что?!

Один из здоровяков повернулся к ней, подмигнул и рукой поманил, уверенно так – иди-ка сюда, дескать, девонька. И понятно, в ней сейчас никто из чужих и не заподозрит леди. Она поспешно отступила, скрылась из глаз нахального мужлана. А тётушки Ноны, главной пекарки, за столом не было, значит, можно застать её на обычном месте. Ринна отправилась в хлебный угол. И правильно, Нона там и отыскалась, но не одна. За столом сидели два парня, судя по одежде, тоже циркачи, а помощница Ноны, Кайта, возилась у жбана с опарой для завтрашнего хлеба. Парни прихлёбывали из кружек травяной чай и слушали, что пекарка неторопливо им рассказывала, певуче так, с удовольствием, словно песню пела.

– Значит, муку ржаную мы заварили в меду, специи доба-

вили, орехи, цукаты. Остыло уже – вот, видите? Ах, как пахнет. Вот, понюхай-ка, – она зацепила из кастрюли и сунула под нос одному из циркачей немного теста на лопатке, тот понюхал и сморщился, а Нона рассмеялась.

– Настоится, раскроется вкус, тогда оценишь! А, это ты, моя ласточка? – повернулась она к Ринне, – проходи, присядь. Невеселая ты сегодня.

Она показала взглядом на гостей и усмехнулась одними глазами, как бы говоря – ничего, поиграем опять, может, ты и развеселишься! Игра была привычная – когда Ринна приходила к Ноне вот так одетая, та делала вид, что молодая леди никакая не леди, а кто она – да кому какое дело? Называла ласточкой, они весело болтали. Делать всё, как положено, слишком скучно!

Ринна в ответ хмыкнула и присела за стол подальше от циркачей, сначала налив себе чая из высокого медного чайника. Толстостенная глиняная чашка приятно согревала пальцы. Быть изысканной леди отчаянно не хотелось. И кто придумал, что она должна?..

– Вот, мальчики эти, из цирка, что на празднике выступали. Привезли мне кое-что от старинной знакомой, – пояснила она Ринне, – и рецепт пряников хотят получить. А я что, я не против! Когда это я рецепты прятала? Да, ласточка?

– Конечно, Нона, – улыбнулась Ринна, – мы хорошим всегда делимся.

Накануне Новогодья пряники пекли по всему Руату, но и

в другое время тоже, их продавали в кондитерских, на ярмарках, всюду они были немного разные, но суть всё равно одна. Но Ринна ни на какие другие не променяла бы ту душистую сладость, что готовили только в их кухне.

– Говорят, вкуснее ваших, ленгарских пряников ничего нет, – сказал один из парней, явно намереваюсь польстить поварихе, та только усмехнулась.

– Почему же. Я считаю, что много чего есть вкуснее пряников. Я могу тебе десять бисквитов с разным кремом подать, на первом – ты мой, и на десятом совсем ум отъешь. Суть пряников совсем в другом. Да, иногда их ничем не заменишь.

– Я скорее отъем ум, если ты приложишь свои таланты к свиной вырезке, тётушка, – заметил циркач.

Ринна уже к ним присмотрелась. Оба лет примерно двадцати пяти, оба без брачных браслетов. Бывают у циркачей брачные браслеты, интересно? И вообще, где цирк, а где пряники? Зачем им эти пряники?..

В то же время они циркачи, значит, люди сильные и смелые. Так может?..

– Я знаю, – ответил другой циркач, – у пряников особый вкус, особый запах, который не забывается. Откусишь и вспомнишь того, кто тебя такими же угощал. И это без всякого колдовства, да? – его глаза лукаво блеснули.

– Всё правильно, – согласилась Нона. – В каждой пекарне свои пряники. Моя мать пекла их для отца, когда он уходил в

плавание – он был моряк. И здесь, в Ленгарском замке, тоже свои пряники. Они лучше всех. Точно такие раньше готовили при королевском дворе в Асварде, потом они рецепт потеряли. То, что пекут там сейчас – уже другие пряники. Тот рецепт теперь тут, потому что племянница короля когда-то стала графиней Ленгар.

– И что? Ленгар не так и далеко от Асварда, вы подданные короля, так почему у них нет правильного рецепта?

Нона посмотрела на парня так, словно он явную глупость сморозил, махнула рукой и весело пояснила:

– А не положено! Что имеешь – береги, потерял – не плачь! Так, что там с тестом дальше? Вливаем хлебное вино и поташ, разбиваем яйца по одному... вот так... – пекарка не только говорила, но и ловко проделывала сказанное, – муку пшеничную крупитчатую тоже, отмеренную, добавляем, и лопаткой вымешиваем, вымешиваем, ещё вымешиваем. Хлебная мука не годится, понял? А теперь в погреб отнести, пусть выстаивается. Через неделю можно печь.

– Как через неделю, – вскинулся один из циркачей, – разве ты не обещала, что отведаем? Через неделю мы далеко будем!

Нона смерила его насмешливым взглядом.

– Что я сказала, то и будет. Из подвала уже готовое тесто принесли, да не двухнедельное, а годовое. Сейчас будем печь.

– Так оно в подвале год простояло?!

Ринна уже сдерживала смех. Многие иноземцы удивлялись, слыша, что тесто для руатских пряников готовится так долго!

– Будешь помогать, ласточка? – ласково спросила её Нона. – Ты ведь поэтому пришла, повозиться захотелось?

Кайта, помощница, прошла близко от стола, и циркач мимоходом схватил её за талию, потянул к себе на колени. Девушка, испуганно глянув на леди Ринну, козой отпрыгнула в сторону.

– Эй, ты чего балуешь? – Нона замахнулась на него лопаткой.

– Прости, тетка, прости, не буду, – тот покаянно поднял руки ладонями вперед, но и не подумал пригасить весёлый блеск глаз.

– Ишь, нахал какой, я такого гостя... – пробормотала пекарка и принялась осторожно разминать ком принесенного из подвала теста. – Силы девать некуда – сейчас делом займу. Дам скалку, а потом решишь, в цирке твоём легче, или на моей кухне!

Она преувеличила, конечно, но отлежавшееся и созревшее пряничное тесто обычно бывало таким твердым и жестким, что справиться с ним – та ещё работа. Ринна этим не занималась, в кухне было, кем командовать.

– Не надо им скалку, Нона, я лучше для другого дела их найму, – сказала она, – говорят, что циркачи люди ловкие, и всё, что захотят, сделать могут.

– Так байки это, красавица, – тут же отозвался весёлый циркач. – Рассказывают люди о нас ерунду, не всему верь. А скалку дайте, я не отказываюсь.

Парень этот был редкий красавец, темноволосый, с правильными чертами, с длинными прямыми ресницами вокруг серо-голубых глаз, и взгляд у него был такой уверенный и смелый – кто бы тут устоял! Но дочь графа всем этим не проймешь. Другое дело Кайта.

– Золотом плачу, – сказала Ринна. – Сначала золотой задатка, потом ещё два – за работу.

Нона всплеснула руками и отложила скалку.

– Ты чего задумала, ласточка? – беспокойно спросила она.

Второй циркач, который больше помалкивал и то и дело бросал на Ринну косые взгляды, сказал вдруг:

– Что у вас за беда? Что требуется?

– Выпустить из зверинца мою ручную рысь. Открыть клетку и проследить, чтобы рысь ушла. Всего-то.

– Там охрана? Собаки? – уточнил циркач.

– Да, – признала Ринна, – обычно пара охранников и собаки.

– Но ради вашей рыси охрану могли и увеличить? – хмыкнул он понятиливо.

– Могли. Больше десятка туда не поставят.

– Десяток и собаки – уже не шутки.

– Я и плачу щедро! – она начала сердиться, поняв, что с ней торгуются.

– Два золотых задатка, и три после, – он смотрел прищурившись. – Мы сделаем.

– Пять золотых?! – она вспыхнула, но под его взглядом сдержалась, отвернулась.

Этот нахал про скромность и не слышал, наверное.

– Так ведь они у вас не последние? А дело непростое.

Точно нахал. Но на самом деле она заплатила бы и больше. И вообще, не время было торговаться.

– Вы точно сделаете? Поклянись на огне, – потребовала она.

– Точно сделаем, – сказал циркач и клясться не стал, а бросил ей такой взгляд, что она не решилась повторить требование. – Два золотых выкладывайте. И рассказывайте, что нам надо знать.

Не только нахал, ещё и грубиян. А тот, который красавец, поглядывал недовольно, но подвинулся ближе и теперь тоже выглядел исключительно серьёзно.

– Ждите, – сказала она, – я принесу деньги.

Не помня как она взлетела по лестнице наверх, в свои покои, достала спрятанную в гардеробной шкатулку, отсчитала деньги, сразу пять монет, две взяла с собой, три завязала в лоскут шёлка и бросила в шкатулку для рукоделия – оттуда можно быстро взять. Вернулась в кухню и положила две монеты перед тем циркачом.

– Если обманете – много раз пожалеете.

Угроза не была пустой, наказать их потом за обман она

сможет. Дочь Лайна Венеша, графа Ленгара – нашла бы, кому пожаловаться. Да они в родстве с королевской семьей и со стороны мамы, и со стороны отца! Вот только на брата, конечно, жаловаться бессмысленно. И на короля.

– Мы не обманем, – спокойно сказал «некрасавец». – Я уже видел ваш зверинец. Где рысь? Где обычно охрана? Всё рассказывайте, нам и мелочи нужны.

Этот взгляд, спокойный такой, взгляд уверенного в себе человека. И когда он вот так поворачивает голову, его лицо кажется чуть-чуть знакомым. Или он на кого-то похож? Скорее всего.

– Как тебя зовут? – спросила она.

Имя красавца ей знать не захотелось, а этого серьезного нахала, который сразу требовал с неё золото – отчего-то очень.

– Рик Кан меня зовут, – и бровью не повел циркач. – Давайте же к делу...

Это имя Ринна слышала впервые.

Она рассказала про зверинец, где там что, какой распорядок – очень постаралась. Если Мики завтра не будет в клетке, то «капризная принцесса» свободна. Завтра те, кто мечтал посмотреть, как своенравной птичке подрежут крылышки, будут разочарованы, а она опять сможет некоторое время жить спокойно.

Циркачи слушали, иногда переспрашивали, уточняли, переглядывались с таким видом, что Ринне даже показалось,

будто дело сделано – и ничего трудного. Она успокоилась. Нона вот заволновалась, даже муку просыпала, но помалкивала. Ринна забрала у неё скалку и принялась раскатывать на припылённой мукой доске размятое тесто.

– Лангерские пряники обычно небольшие, квадратные, только на Новогодье тесто звёздами режут и тремя языками пламени, – пояснила она, – Новогодье нескоро, как же режем?

– Да какая разница? Хоть вроде старых башмаков, на вкус будут не хуже, я прав? – сказал тот, который Рик.

– Конечно, не в форме дело. Башмаки, говоришь? – обрадовалась Ринна.

Теперь, когда вопрос с несчастной помолвкой был решен – а ей так вдруг показалось, – захотелось подурочиться. Примерившись к пласту теста, она старательно вырезала силуэт деревенского башмака. Второй пряник получился в виде более изящной туфли. Третий – совсем хорошо. Тыльной стороной ножа Ринна сразу наносила рисунок на пряники, после выпечки рисунок останется. Можно цветной глазури добавить, и вообще, шалить в свое удовольствие. Это когда пряники традиционные, к празднику – там шалости не приветствуются, надо делать, как заведено, а в другое время – можно хоть башмаки стоптанные, хоть бальные туфли.

Когда она закончила, Рик отломил маленький кусочек теста и помял его в руках, понюхал, потом лизнул.

– Вкусно пахнет. Действительно не забудешь. И это всего

лишь корица с мускатным орехом?

– Нет, дорогой. Корицу и мускатный орех я в то тесто добавила, – сказала Нона. – А это особое, тут ровно те специи, каким и положено быть в ленгарских пряниках.

– И какие же это?..

– Не знаю, – развела руками Нона и хитро улыбнулась. – Точный рецепт смеси известен только леди.

– И что же в ней особенного, в этой смеси? – продолжал отчего-то настаивать Рик.

– Не знаю, – повторила Нона.

– То есть настоящий рецепт тех самых пряников, которые когда-то пекли на королевской кухне в Руате, мы не узнаем?

– Вы не узнаете от меня рецепт пряной смеси для теста. Зато отведаете пряники. Я же пообещала, да простят меня лорды Венешы.

– Но мы ведь заплатили!

– И получили всё на свои деньги.

Нона лукавила, она знала рецепт. Но говорила чистую правду насчёт того, что это секрет Венешей, точнее, секрет их леди, и готовят они пряную смесь собственноручно – так делала бабушка, потом мама, теперь так, якобы, делает графиня Бьюла. Только Бьюла не делает. Её не интересует кухня, а в её родной семье леди лишь давали распоряжения главному повару. Старая руатская традиция, когда леди сама отсыпает муку для хлеба, к праздникам печёт хлеб и оделяет им всех жителей своего замка, а тесто на пряники замешивают

вает собственноручно, уже почти отошла в прошлое. Когда Бьюла впервые увидела, что её юная золовка, перемазанная мукой, месит тесто, обмениваясь шутками с Ноной – была в шоке...

Ринна не вмешивалась в перепалку, она закончила нарезать пряники и теперь складывала их на противень. Осталось испечь, а потом, горячие, покрыть яичным желтком – для блеска, вряд ли Нона захочет делать сейчас сахарную глазурь.

– Вы, похоже, всё тут такие же обманщицы, как ваша капризная принцесса, – сказал Рик, не сводя глаз с рук Ринны, которая теперь взбивала в миске желток.

Она чуть не выронила миску, и даже не возмутилась, а изумилась:

– Вот это наглость! Ты что себе позволяешь, циркач? Кого это леди Ринна обманула?

– Она обманула столько ожиданий, что у меня пальцев нахватит перечислить. Ей самой это лучше всех известно.

– Ты точно забываешься, шут, – Ринна отставила миску.

И куда делось недолгое умиротворение. Выгнать бы наглеца прочь из замка, так ведь она от него теперь зависит! Вся её будущая жизнь зависит!

– Мы не шуты, – сказал Рик. – Мы фехтовальщики и жонглёры. Но вы правы, миледи, особой разницы и нет.

Вот так, он её узнал. Впрочем, она была на празднике, пусть и иначе одетая. Да и странно надеяться, что этот жал-

кий маскарад обманет всех!

– Не волнуйтесь, миледи, мы сделаем, что обещали, – добавил циркач, – но мне хотелось бы ещё кое-что попросить. Мы даже удовольствуемся задатком, а от основной платы откажемся. Три ваших поцелуя, миледи. Каждый ценой в один золотой, так получается? Со мной.

Нона возмущённо всплеснула руками. Ринна была в замешательстве. Позвать стражу, чтобы выкинули этого шута немедленно?

– Мы уже договорились, – сказала она ровно, призвав на помощь всю свою выдержку, – а об одном не торгуются дважды. Сделайте, что обещали, и получите деньги.

Уходя, она отчего-то оглянулась. А этот... шут... он ещё улыбался и выглядел таким дерзким! У него взгляд был... медовый. Нет-нет, не о сладости мёда он напоминал, только не о сладости. Скорее о сложной смеси вкусов, которые разбавляют сладость, и о горчинке тоже – её особенно много в янтарно-тёмном горном меде, на котором и надо готовить пряничное тесто. И о цвете, конечно. Захотелось подойти и заглянуть ему в глаза – какого они на самом деле цвета?

Она ушла, даже не кивнув на прощанье Ноне.

Это просто люди из бродячего цирка. Ловкачи, которые не упускают выгоду. Их жизнь приучила, иначе как им выживать, не имея крыши над головой и кочуя из города в город, из страны в страну в своих старых повозках? Леди Ринна привыкла думать о циркачах именно так.

Почти всю ночь сестра графа не сомкнула глаз. Она уговаривала себя, боялась, переживала, опять ломала голову, как поступит, если у циркачей ничего не выйдет. А когда заснула, сон ей приснился под стать остальной ночи: она увидела, как стая лающих собак окружила того циркача, Рика Кана, как огромный чёрный пёс вцепился в его руку, прокусил, побежала кровь, другие собаки прыгали, норовя достать шею Рика, наконец стражники отогнали собак и стянули руки пленника за спиной, даже не потрудившись перевязать обильно кровоточащую рану.

Ринна вскочила в холодном поту и долго сидела на постели, а перед глазами стояла та страшная картинка. Не сразу пришло понимание, что наяву всё было бы не так ужасно, что собаки охраны приучены не нападать без необходимости, они просто окружили бы, и собаки у их стражи совсем другие, и вообще...

Спать она больше не смогла. Если с этим парнем на самом деле что-то случилось, как она сможет себя простить? Ведь получается – по её вине. К демонам лесным чьи-то там обманутые ожидания, Ринна Венеш никому не давала обещаний по доброй воле, но этого циркача она сама уговорила на опасное предприятие. А ведь очень возможно, что брат, который знает её лучше всех, всё предвидел и как-то слишком усилил охрану. Рик, конечно, порядочная заноза, и почтительности его не учили, но это не стоит такой участи! Ей

придётся его выручать, обязательно, делать всё возможное, уговаривать Клайка...

А если потребуют ради Рика выйти за герцога?..

Утром Кайта, помощница Ноны, принесла свежие булочки, и, подгадав момент, шепнула:

– Циркачи сообщили, что всё в порядке, миледи. Рысь ушла в лес.

– А они сами? Не пострадали? – она боялась верить в настолько замечательную новость.

– Сказали, что всё тихо вышло. Сторожа, может, ещё и не хватились.

– И как только смогли, – пробормотала Ринна, отчётливо ощущая, насколько легче стало дышать.

– Так ведь циркачи, миледи, – удивленно пояснила Кайта, как будто одно это всё объясняло.

– Кто принёс весть? Передали через кого-то? – продолжала расспрашивать Ринна.

– Он сам приходил, миледи. Не Ивар, а тот, другой. Рик который. Ваши туфли пряничные забрал, – она хихикнула. – Спросил про деньги. Циркачи уже вещи пакуют, уедут скоро.

Это тоже отчего-то обрадовало – то, что приходил не красавчик, а тот наглец Рик. Может, он внушал больше доверия? Несмотря на поведение, которое граничило с издевкой.

Получив шелковый узелок, Кайта убежала.

– Вы так долго шептались с этой кухаркой, миледи, – заметила горничная Этель.

– Нона сомневается, надо ли добавлять в тесто для булочек корицу и кардамон, – не думая ответила Ринна. – Я решила, что обойдётся без кардамона. А ты как любишь?..

Рассуждать про кардамон, как, впрочем, и про корицу, Этель не могла при всём желании, поэтому она переключилась на понятный предмет:

– Вам срочно надо сделать холодный компресс для глаз, леди Ринна!

В положенный час, а именно как раз перед парадным завтраком, сестра графа Ленгара вошла в зал под руку с лордом-сенешалем его величества, который заодно приходился ей дядей. У стола их ожидали. Между братом и возможным женихом, кандрийским герцогом Ольгером, стоял его величество Фарут, король Руата. Король, о Пламя! Хотя и ничего удивительного – в былые времена короля здесь принимали часто.

– От имени его величества предупреждаю, что неповиновение чревато... – в третий или четвёртый раз тихо сказал лорд-сенешаль, – именно так, слово в слово. Будь разумна, девочка, прошу, как брат твоей матери.

Дядя-сенешаль был искренне встревожен, а Клайк, она видела, с трудом сдерживал ярость – видно, узнал о пропаже рыси. В груди у Ринны стало холодно, она с трудом подавила приступ паники. Но она ведь не может выйти за старика?!

– Это лишь помолвка, – добавил дядя.

Ну да, помолвка. И жених сразу увезёт её в Кандрию, что-

бы сочетаться браком там. У неё не будет выхода! Здесь она, по крайней мере, дома.

Герцог Ольгер стоял с непокрытой головой, совершенно седой, в чёрном костюме с серебром. И как ни странно, он действительно был хорош собой – Бюла не обманывала. Во-первых, герой войн, один из тех, кто, говорят, пользуется особым доверием кандрийского короля. Но всё равно Ринна не могла представить его с собой рядом в качестве мужа. Чужой мужчина, и между ними пропасть лет. Нет, невозможно.

– Герцог оказал честь нашему дому, попросив руки моей сестры, – сказал брат громко. – Я был бы горд и счастлив вручить ему то, что он желает. Но обязан спросить, леди Ринна, – он заговорил с нажимом, – согласны ли вы выйти замуж за лорда Орвина Корвинта, герцога Ольгера?

Она ведь уже отвечала, вчера: нет, нет и нет! Но от неё требуют постоянного участия в этом спектакле!

Она глубоко вздохнула. Выдохнула. Дядя больно сжал её руку, и она высвободилась, отступила на шаг.

– Милорд герцог, ваше величество, дорогой брат! Я прошу прощения, но вынуждена отказаться от этой высокой чести. Я очень сожалею, но не смею давать обещания, выполнять которые не считаю для себя возможным.

Брат побледнел от гнева, король с легкой усмешкой приподнял бровь, волна сдержанного шороха пробежала по залу – все поторопились так или иначе выразить отношение к происходящему. Герцог, пожалуй, огорчился.

– Я прошу вас не торопиться, леди Ринна, – сказал он, – обещаю, что вы не пожалеете. Может быть, мы сейчас кратко поговорим наедине? Вы позволите, ваше величество? – он повернулся к королю.

– Нет, милорд, прошу вас! – воскликнула Ринна. – Я не выйду за вас замуж, и это моё последнее слово! Нет!

К чему соглашаться на уговоры, если они ни к чему не приведут? Но они мучительны.

– Последнее так последнее, – холодно согласился король. – Я благодарю вас за честь, герцог, что вы оказали Руату в целом и семье графа Ленгара в частности, но тоже считаю, что Ринна Венеш этой чести не достойна. И я желаю преподать урок на будущее всем девицам моей страны. Поскольку достойных лордов на Побережье больше не осталось, а склонности к смиренной жизни в монастыре леди не имеет, она должна немедленно покинуть Ленгар законной супругой первого же простолюдина, который попросит её руки. Этот простолюдин не должен служить в Ленгаре и быть так или иначе связан с семьей Венешей – если что, я спрошу за это, граф! Я лишаю Ринну Венеш наследства, положенного ей как дочери своих родителей, однако в дальнейшем, возможно, оно будет передано кому-то из её детей – если я сочту это возможным. Возвращаться обратно ей запрещено! Это моё слово!

На зал упала тишина, изумлённая, вязкая – несколько мгновений такой тишины. Лишить прав и прогнать за воро-

та леди Ринну Венеш, дочь графа Ленгара? Но ведь это чресчур!

Сама она тоже не верила своим ушам. Король действительно это сказал?!

– Ваше величество?! Но это невозможно! – выдохнула она.

– Это вполне возможно и будет сделано, – заявил король. – Древние права позволяют, а если я раньше так не поступал – просто повода не было. Нам следует выйти во двор, леди Ринна, и проследовать к воротам. Если мы станем дожидаться, что какой-нибудь простолюдин явится прямо сюда, мы рискуем проголодаться.

Их взгляды скрестились – её гневный и растерянный, и его, такой уверенный и холодный. О, она понимала, что этим только больше рассердит короля! Он заранее всё решил! Он решил её наказать. В назидание. Взгляды скрестились, и Ринна свой не опустила, не начала плакать и умолять – это было унижительно и главное, бесполезно. Если он передумает... якобы передумает, это тоже будет независимо от её просьб.

Как во сне, она пошла к выходу, оставив позади всё: этих гостей, которые получили своё развлечение, брата, невестку, дядю-сенешаля. Её не увидят испуганной и рыдающей. Ещё непонятно, чем всё закончится, но чтобы король действительно решил отдать её кому попало – нет, невероятно!

– Да она сумасшедшая! К чему это упрямство? – сказал

кто-то позади.

Она услышала. Ничего страшного, не первый раз. Она – сумасшедшая? Нет, просто она – Венеш. Венеша умеют добиваться своего. А Ринне всего-то и надо, чтобы её не при-
нуждали. Не ломали. Она никогда не изменит ни королю, ни своим близким, ни тому, что ей дорого – только пусть ей позволят остаться собой!

Вот замок позади, она миновала площадь, дубовую аллею и остановилась у высоких кованых ворот – выхода в город. Ни разу не оглянулась, хотя знала, что за ней следует вся толпа, что была в зале, во главе с королём и братом Клайком – ну как же, ещё ничего не кончилось. По бокам теперь были стражники из охраны короля – чтобы видеть их, оглядываться не требовалось. Они думают – она сбежит?..

Осталось дожидаться «первого простолюдина». Ждать и здесь придётся долго – кто из неблагородных рискнёт посвататься? Может быть, каждому станут предлагать – не желает ли он жениться на леди Ринне Венеш, только без приданого, и уйти с ней куда глаза глядят? Да этот прохожий тут же убежит от такого счастья, ведь мало ли что придёт в голову королю чуть погода?! Ринна не удержалась от улыбки, подумав об этом и представив, как удирает её очередной «жених». Может, на это и расчет: она простоит тут напрасно, а потом король объявит, что простолюдинам она, оказывается, тоже не нужна. Такое вот наказание унижением! И она сможет вернуться к себе. Вот и хорошо.

Она ошиблась, долго ждать не пришлось. В ворота вошёл человек, запylённый и в потрепанной одежде, в руках у него была палка, за плечами – дорожный мешок, а на ремне через плечо – старый, побитый и чиненый с помощью верёвки музыкальный ящик. А его лицо... вот он сдвинул берет набок, улыбнулся Ринне, и она еле удержалась от возгласа – это был Рик Кан, тот самый Рик Кан. Точнее, он немного изменил внешность, как это умеют делать циркачи, но она всё равно его узнала. А когда он подошёл и заговорил, кланяясь, сомнений не осталось.

– Я помогу вам, леди Ринна. О цене столкнемся после, у нас это хорошо получается. Иначе выйдете за того, кого подсунут.

Она быстро кивнула в ответ – даже прежде, чем подозрительно подумала, а стоит ли соглашаться. Ведь так и есть – подсунут, и настанет момент, когда она не сможет сопротивляться. Мало ли чем на неё надавят в следующий раз? Договориться, расплатиться, сбежать и переждать – лучше не бывает!

– Поможешь мне добраться, куда попрошу, и получишь деньги. Пятьдесят дреров серебром, – осторожность возобладала и потребовала каких-то гарантий. – Только деньги, понятно?

– Хорошо, – сразу согласился он.

– Поклянись Пламенем.

– Клянусь Пламенем.

Рик улыбнулся, обошёл Ринну и низко поклонился тем, стоящим за её спиной.

– Я слышал, что могу забрать себе эту леди? Это правда, милорды?

– Да, если сводишь её в Храм и Пламя позволит вам брак, – ответил король, – эй, кто-нибудь, проверьте этого пройдоху на зависимость от Венешей!

Она не повернула головы, чтобы видеть, как колдун или кто-то из придворных проверяет Рика амулетом, заставляет в чем-то клясться.

– Зависимости нет, ваше величество, – отчитался этот кто-то.

– Тогда благословляю, – бросил король, – отведите их в Храм, а после отпустите на все четыре стороны.

– Пожалуй, на брачные браслеты я не наскребу, милорды! – развел руками пройдоха Рик.

– Граф заплатит, – решил король, – граф Ленгар, вы ведь заплатите за серебряные брачные браслеты для вашей сестры и её супруга?

Ответ Клайка был невнятным, но на возражения не похожим.

Обряд состоялся – священник проговорил всё положенное, Пламя на алтаре взметнулась вверх. Ринна до последнего сомневалась, что такой нелепый брак может быть одобрен Пламенем. Когда священник задал вопрос о согласии, она пробормотала:

– Да не может быть... Да! – быстро поправились, сообразив, что, если ничего не выйдет, не получится уйти с Риком.

Для неё это не было настоящим брачным обрядом. Рядом – циркач в гриме, что тут настоящего? Её вины нет, она выполняет приказ короля! Рик на вопрос ответил, как положено:

– Да, беру эту женщину в жёны.

А до этого священник, конечно, твердил о незыблемости брака, о том, что это – на всю жизнь, и всё остальное согласно канону – она почти не слышала, смотрела на Пламя. Волнение предшествующих часов, её вынужденная невозмутимость, необходимость держать лицо сделало своё дело – на какое-то небольшое время она словно потеряла сознание, не слышала ничего и не осознавала, у неё в глазах плясали огоньки пламени – и только.

Потом, когда всё кончилось, Рик защелкнул на её запястье серебряный браслет, а себе надел сам, хотя это следовало сделать ей. Сказал:

– Вот что, жена, давайте-ка выбираться отсюда.

– Как ты смеешь! – она опомнилась, – не смей так меня называть!

– Только так и стану называть, пока мы не в разводе, – крепко взяв за плечи, он вывел её из Храма.

У входа ждал другой циркач, кажется, Тайла называла его Иваром, и подошли ещё двое. Один дурашливо поклонился:

– Примите наши поздравления, милорд, миледи!

– Нашёл лорда! – фыркнул Рик. – Поздравляю, дорогая, – он повернулся к Ринне, – вы больше не зависите от Венешей, вы свободны. И король отпускает нас на все четыре стороны. Или желаете вернуться к гостям и послушать их горячие поздравления?

– Нет, – Ринна покачала головой.

Лучше уйти потихоньку, чем продолжать это представление и бояться каждой очередной прихоти короля. Она вышла замуж – значит, к прежнему возврата нет. Но проститься, взглянуть последний раз... да полно, не может быть, чтобы она уходила навсегда! Это смешно!

– Я тоже так думаю, – согласился Рик, – а то ещё увяжется кто ненужный следом.

– Я – леди Ринна, – всё-таки напомнила она, – Мы не равны и не женаты, даже не думай.

Рик пожал плечами:

– Вот об этом сразу договоримся, леди. Не будем потешать народ и привлекать внимание. Поиграем в супругов. Я ничего не потребую, как обещал. Но я ваш муж, а вы моя дорогая жёнушка. Никаких леди, уж не серчайте. Доброй быть или злой, решайте сами. Понятно?

Она смешалась и не сразу смогла ответить. А он дожидаться не стал, кивнул, словно ставя точку под сказанным, и потянул её к дорожке, ведущей в глубину парка.

Северный выход, маленькая калитка в глухом заборе! Откуда-то циркачи знали о ней. Там их ждала маленькая кры-

тая парусиновым пологом повозка, Рик подхватил Ринну за талию и посадил, почти закинул внутрь. Запрыгнули остальные, и возница тут же защёлкал кнутом.

Глава 2. Шаг вперед

Музыкальный ящик, с которым явился Рик, валялся теперь на полу повозки между сидящими, а мешок один из мужчин небрежно бросил куда-то в угол. На мешок Рик и не взглянул – наверняка там было ненужное барахло. Вот музыкальный ящик он ободряюще хлопнул ладонью.

– Посмотрю потом, может, починю. Хорошо, что меня не заставили сыграть на этой сломанной тархтелке. Откуда она?

– Купил за медяк у старьевщика на рынке, – ответил Ивар. – Думал, тебе понравится. Тебе ведь нравятся сломанные игрушки... и капризные невесты. Лёгкой жизни отчего-то не хочешь.

Ринна, услышав про игрушки и невест, вспыхнула от негодования. Разве что ещё раз попробовать объяснить этому невеже, с кем он имеет дело? Хотя... а смысл?

– Помолчи, брат, а? – мирно попросил Рик, устраиваясь поудобнее. – И вы тоже, дорогая супруга. Поболтать и потом успеем.

Ехали не меньше часа. То и дело Ринна ловила на себе осторожные и очень заинтересованные взгляды. Особенно красавчик, Ивар, не сводил с неё глаз, но поспешно отвернулся, когда она открыто на него посмотрела. Только Рик, пожалуй, ни разу и не глянул. Им надо поговорить. Им очень

надо поговорить!

Цирк ждал на развилке дорог – больше десятка разноцветных фургонов. Рик помог ей выбраться, точнее, опять подхватил и поставил на землю.

– Отдохните и разомните ноги – посоветовал он, – ехать придётся долго, к вечеру доберёмся до деревни, переночуем, завтра будем в городе Раби. Там стоим три дня и даём представления, у нас квиток.

Она только дернула плечом – ей какое дело до представлений и каких-то квитков? Раби... тоже город Венешей. Почти на границе графства.

– Нам надо поговорить, эсс, – сказала она. – Эсс Кан, да? – она решила держаться с ним учтивее, и заодно более официально.

– Просто Рик, – поправил он. – Ваш муж.

Он взял её под руку и отвел в сторону, показал на поваленное дерево, предлагая сесть. Сам тоже сел, вытянул ноги.

– Даже не думайте, что я действительно буду вашей женой, – на всякий случай уточнила она. – Это нелепость!

– Мы уже договорились, – он кивнул.

Она продолжала:

– Я оплачу вашу помощь. Пятьдесят дреров серебром будет достаточной платой за сопровождение меня в обитель Белых Сестёр? Это два дня пути отсюда. Если, конечно, не давать представления.

– Мы не можем их не давать, – возразил Рик спокойно. –

Все эти люди должны заработать. Мне интересно другое: вы ушли из замка в чём были, откуда у вас деньги?

– Это не ваше дело, – огрызнулась она.

– Конечно, моё, – не согласился он. – Как я могу рассчитывать на деньги, если знаю, что их нет и быть не может? Хорошо ещё, что заранее ту плату взял, всё-таки пять золотых на дороге не валяются.

Он улыбался. Он был несносен!

– Я смогу расплатиться, – заявила Ринна, – настоятельница монастыря кузина моей мамы. Она одолжит денег и поможет в остальном. Я вовсе не нищая, что бы вы там ни думали. Просто проводите меня до монастыря!

– Хорошо, – Рик пристально посмотрел на неё. – Но по закону вы моя жена. Я отвечаю за вас, обязан заботиться, ну и всё такое. Каким образом я оставлю вас где-то в монастыре? Так не делается.

– Очень просто, мы разведёмся, – сказала Ринна. – Ведь это и подразумевалось?

– Не знаю, – усмехнулся Рик. – Напомню вам, что первый возможный срок для развода – три года, и то если брак бездетный. Хотите прожить это время в монастыре, формально являясь моей женой?

– Три месяца, если брак не осуществлен! – напомнила Ринна.

Запираться в монастыре на три года она не собиралась ни при каких обстоятельствах.

– Тогда придется назвать причину. Увы, но отказ невесты после венчания – не причина. По закону вы обязаны мне позволить гм... осуществить брак, да, – он улыбнулся, окинул её заинтересованным взглядом. – Я должен заявить, что неспособен?

– Почему нет? – сухо согласилась Ринна, – я и за это вам заплачу. Хотите ещё тридцать? Хорошо, я дам вам сто дров, если довезёте меня и заявите, что вы... вы поняли.

– Целых сто дров за то, чтобы так себя оговорить? – теперь он откровенно рассмеялся. – И это может случиться лишь через три месяца, ближе к Новому году, значит. Так что нам не резон торопиться в этот ваш монастырь.

– Не выдумывайте, – отмахнулась она, – и давайте не будем усложнять. Проводите меня до монастыря, получите деньги, и мы можем забыть друг друга. Дальше я всё решу сама. Я слышала, что у вас, циркачей, венчание в Храме – не такое уж важное дело...

– Вы неправильно слышали, – перебил он, хмурясь. – Мы не всегда венчаемся, это верно, но, когда такое случается, это важно. Ладно, я понял. Доставить вас к тётушке? За сто дров? Хорошо. Дальнейшие проблемы останутся вам? Договорились. А пока вам придется пожить с нами. Видите, у нас всё просто. Вам не станут прислуживать, уж простите. Но будут очень уважительно относиться – как к моей жене. И я против вашей воли пальцем вас не трону.

– Вот и хорошо, – согласилась она, в глубине души чув-

ствуя себя задетой, хотя причину этого не понимала.

Он продолжал исподлюбья её разглядывать, и о чём только думал, интересно? Она встала.

– Я вынуждена попросить у вас займы, эсс Рик. Дреров десять хотя бы. Сожалею, но я действительно вынуждена...

– Что вы, дорогая, – по его губам скользнула усмешка, – я ваш законный муж, а у мужей не одалживают. Я вот, знаете ли, вчера немного заработал, а вам надо приодеться. Приедем в город – пройдётесь по лавкам.

Значит, он подумал о том же самом – у неё нет одежды. Совсем нет, даже сорочки на смену! Это унижительно, это то, что она ещё припомнит королю! Но нет, не думать пока! Не думать про короля и королеву, про Клайка и Бьюлу. Они выбросили её. Прогнали. Радуются? Она мешала кому-то?.. Особенно королю, чтобы он захотел показать свою власть таким образом?..

Ещё она тревожилась о Мике. Рысь ушла – куда? Она вернётся в Ленгар, не найдёт хозяйку, будет поймана и очутится в зверинце. А может, брат прикажет отпустить её в лес, он не жесток. По крайней мере, убивать не станет. Значит, всё поправимо.

– Ответьте мне, эсс...

– Прекратите всё же называть меня эссом, – попросил он мягко.

– Рик. Это ведь сокращение? Какое ваше полное имя?

– Что? – кажется, он удивился. – О Пламя. Да за вами глаз

да глаз нужен! Я имя в Храме называл. Вы сегодня замуж вышли, не слушая, за кого! А векселя подписываете, не глядя?

– Не смейте так говорить, вы, невежа! – вспыхнула Ринна. – Вам трудно мне ответить?

Циркач намекает на её глупость и неаккуратность? Да она ни разу ещё не подписала бумагу, не прочитав! Но сегодня, действительно, получилось плохо.

– Меня зовут Рик. Рик Кан, – сказал он, встал и отряхнул штаны. – Отдыхайте, скоро трогаемся. И я бы на вашем месте прогулялся вон в те кустики, – он показал направление.

Она смутилась. Что за мужлан! Она и сама прекрасно знает, что ей нужно, а что нет!

– Из-за вас потом весь обоз останавливать не хотелось бы, сами понимаете, – добавил Рик и отвернулся.

Совсем неплохо путешествовать в хорошей карете, с компаньонкой или родственниками, с горничными, среди кучи подушек, и чтобы можно было читать книги, а в ногах устраивалась Мика, от которой горничная и компаньонка старались бы незаметно отодвинуться. Теперь была повозка, к счастью, пустая – Ринна с ужасом ожидала, что придётся тесниться среди чужих людей, к тому же циркачей. Когда Рик подвёл её к этой маленькой кибитке и откинул полог, она вздохнула с облегчением. Ещё он принёс ей холодного жареного мяса на куске чёрствой лепешки и кружку душистого

травяного чая.

– Чего-нибудь существенного поедим в деревне, – пояснил он, – а пока так. Отдыхайте, там внутри есть одеяла и подушки.

– Спасибо, – она взяла еду.

Вот вам и парадный завтрак, леди Ринна Венеш.

Остальные циркачи ели вместе, расстелив пеструю скатерть на земле между повозок, они разговаривали, смеялись, с любопытством разглядывали Ринну – издалека. И хорошо. Ей не хотелось бы оказаться за этим «столом». Она не стеснялась и перед высшей знатью всех королевств, но в том и дело, что там она была рыбкой в своем озере. А эти люди, циркачи, были другими.

Ринна наскоро поела и забралась в кибитку. Пол там покрывал кусок потертого шерстяного ковра, сбоку стоял сундук, пристёгнутый ремнями, на нем – тюк из цветных лоскутных одеял. Две подушки в цветных чехлах валялись в углу. Спереди, где место возницы, и позади – просто сдвинутые занавески из такой же парусины, что и крыша, можно пройти сквозь повозку, не задержавшись. Ничего лишнего. Да чего уж там – ничего нужного! То ли дело удобные сиденья кареты, где к тому же можно закрыть дверь и даже запечатать её изнутри!

Циркачи – они бездомные? Как они живут, всегда в пути и обходясь столь малым? Впрочем, она и видела пока только эту повозку...

– Вы устроились? Трогаемся, – взглянул красавчик Ивар.

Это он, оказывается, уселся на передке и взял вожжи. Одна за другой повозки и деревянные фургоны выезжали с полянки на дорогу. Люди были заняты и уже не обращали внимания на Ринну, и ей расхотелось прятаться, она переместилась вперед, уселась, откинув занавесь, возле возницы. Следовало, по крайней мере, осмотреться.

– Я побуду тут, с вами, можно, эсс?

– Да, миледи, сделайте милость, – спокойно разрешил Ивар.

Он назвал её миледи. А Рик почему-то не желает!

– А где Рик? – не удержалась она.

– Не знаю, – пожал плечами циркач, – думаю, напросился поспать к кому-нибудь.

– Поспать?..

– Ну да. Ему прошлую ночь не удалось. Вы нам задали непростую задачку, – подчёркнуто-любезно пояснил он.

Всё так, но она и заплатила немало! Так что упрёки были неуместны. Напросился поспать к кому-нибудь – значит, место, где он спит обычно, занято. Ну конечно, ею и занято. Она тут же решила это уточнить:

– Это его повозка?

Ивар кивнул. Что ж, за неудобство она тоже платит!

– А вы? Не устали? – она решила разговорить красавчика.

– Я немного поспать успел.

Он держался невозмутимо, отвечал охотно, без запинки,

но – ни слова лишнего. Только ответ на вопрос.

– Вы давно знаете Рика?

– Давно. Как брат брата.

– Вы братья? Ну конечно, я сразу подумала об этом.

– У нас разные родители. Но относимся мы друг к другу именно как братья, миледи.

– Кто-то из вас сирота? – осторожно предположила она.

– Нет, слава Пламени, наши родители живы и здоровы.

– А кто... родители Рика? – она отчего-то запнулась на этом простом вопросе.

Какое ей дело, на самом деле, кто его родители? Она их и не узнает. Но сам факт венчания, которое пусть и временно, но законно привязало её к чужому мужчине, Рику Кану, а, значит, и к его семье тоже! Не беспокоиться об этом было сложно, тем более девушке, которой с детства твердили, что замужество – самое важное, к чему следует стремиться и с чего вообще начнётся её настоящая жизнь.

– Его отец управляет большим цирком, – ответил Ивар.

– А мать? Она тоже артистка?

Она видела немало представлений и точно знала, что даже старухи бывают циркачками и выступают перед публикой. Хотя, конечно, для женщины в возрасте это двойной позор, но циркачи совсем иначе смотрят на такие вещи!

– Да нет. Но всегда поддержит и поможет, без сомнения, – парень широко улыбнулся.

– А братья и сестры у него есть? – продолжала она рас-

спросы.

– А как же. И братья, и сестры. А почему вы так интересуетесь его семейством, леди Ринна? Всё-таки примеряете на себя? Это понятно. Семейство достойное, и небедное, да. Многие девицы за счастье почли бы выйти за моего названного братца, а вам счастье само прилетело, да что-то вы не радуетесь! – кажется, красавчик над ней смеялся.

– Не забываетесь! Вы помните, кто я? – задетая его тоном, она гневно вскинула подбородок. – Надеюсь никогда не узнать это достойное семейство!

Он скосил на неё глаза, криво усмехнулся:

– Да и они, наверное, вам не обрадуются. Девица, которую выгнали из дома в одном платье за её дурной нрав – вот уж большое счастье! Им точно для сына чего-то получше хотелось, я вас уверяю, миледи!

Вот теперь Ринна задохнулась от возмущения и не нашла с ответом. Ивар как ни в чём ни бывало продолжал:

– Ему на это с детства пеняют. Что всё норовит разным несчастным помогать, птичкам там, зверушкам. И нет чтобы другим поручить, там сам лезет, спасибо шею ещё не свернул. Брошенного медвежонка три года воспитывал. Но что-бы жениться... – он покосился на Ринну, – жениться, говорю, на девице, которая и не глянет по-доброму, всё презрением норовит заморозить... я хотел сказать, на леди, конечно, да, вы поняли, – опять покосился, улыбнулся. – И зачем?

Он не по-руатски немного растягивал слова, отчего вся

его речь казалась сплошной насмешкой. И дурашливость, которая не пристала благородному лорду – лорду не пристала, но ему, циркачу, в самый раз! И какой лорд скажет такое леди?! Но возразить тоже было нечего.

– Да как ты смеешь, олух! – рассердилась Ринна, готовая цапнуть его когтями. – Нет чтобы взять деньги и достойно их отработать, проявляя уважение к леди! Но этого, видно, не стоит ждать от... вас...

– Вот предложить бы вам поискать других олухов, леди Ринна, – тихо и серьезно сказал парень, – но куда теперь деть ваш с Риком законный брак?

С трудом сдержавшись – нельзя забываться! – Ринна нырнула внутрь кибитки, занавеси упали и отгородили её от возницы. Вот и пожалуйста, вот и хорошо! Рик предложил ей отдохнуть? Она и будет отдыхать!

Она постелила на пол кибитки одеяло, накрылась другим и решила поспать, но пока сон пришёл, успела и передумать обо всём, и отчаяться, и вволю поплакать.

Итак, сегодня её старая, привычная жизнь разбилась. Она всего лишь отказалась выйти замуж за престарелого герцога! Немыслимая жестокость. И мелькала мысль, что, наказав таким образом, король потом передумает и захочет вернуть Ринну Венеш под свою власть. Ведь кровь в её жилах чего-то стоит! Неважно, кто станет отцом её детей – она даст им кровь Венешей...

Решено – вон из Руата, и скорее! В Кандрию! Потом в

Гринзаль! Она купит дом, объявит себя вдовой, изменит внешность. И пусть никто не заподозрит в ней дочь графа, не назовёт леди Ринной, не пригласит на королевский бал, не посадит на один стол с высшей знатью королевств – пока... Пусть! Может, спрятаться придётся только вначале, а потом всё наладится? Она придумает что-нибудь!

О, какие только мысли не приходили в голову! Некоторые были откровенным бредом. А потом она заснула и проспала, наверное, долго – во всяком случае, оказалось, что они уже приехали. Ринна выглянула – так и есть, весь цирковой обоз стоял на полянке у въезда в деревню, как раз возле трактира – во всяком случае, вывеска на воротах сообщала, что неказистое заведение, привечающее тут путников, называется «Кошка с клубком».

Ринна неплохо знала своё графство, и про эту деревню знала тоже, но само место было для неё лишь чёрным кружком на кожаной карте в библиотеке Ленгара. Деревня называлась Балторал, что на древнем языке означало «Змеиное болото» – милое место, должно быть. И вот, оно сподобилось чести принимать сестру своего графа, растрёпанную и в помятом платье. И хорошо, что об этом никто не узнает.

– Ты Ринна? – к ней подошла девушка лет тринадцати на вид. – Рик сказал, что тебя надо разбудить. Он снял комнату в трактире.

Незнакомая девчонка-циркачка, невысокая и тоненькая, в простом зелёном платье. Обратилась просто по имени –

это... не так и страшно, она ведь не собирается каждому объяснять, кто она такая.

– Хорошо, спасибо, – она выбралась из кибитки, улыбнулась, пригладила волосы, – а где Рик?

– Только что разговаривал с Кавертеном. И собирался купаться. Многие пошли купаться, вода здесь, в заводи, прогрелась за день. Может, ты тоже хочешь? – девушка, не стесняясь, рассматривала Ринну, той даже захотелось к зеркалу.

– Нет, купаться в заводи я не буду. А кто такой Кавертен?

– Наш хозяин! – заулыбалась девушка. – Мы называемся цирком Кавертена. Я танцовщица и акробатка, меня зовут Клея.

– Очень приятно, Клея. Проводишь меня в комнату?

Ей понравилась девочка. Интересно, взять её на время в горничные можно? Понятно, что она ничего не умеет, но трудно совсем без горничной.

Клея привела Ринну в комнату на втором этаже трактира, маленькую, с низким потолком, зато там была застеленная бельем кровать. Окно с дешёвыми мутными стеклами пропускало мало света, а ведь стоял ясный солнечный день!

– Ещё бы ехать и ехать, – заметила Ринна, выглянув в окно. – К ночи были бы в Раби.

– А зачем нам к ночи? – девочка хихикнула, – приедем в потёмках, и комнаты сняли на завтра. А тут можно и отдохнуть хорошо, и постирать, в городе за прачечную плати – это по-всякому дороже.

– Ну если так... – Ринна никогда в жизни не задумывалась о том, что в городе стирать дороже.

– У тебя ничего нет, чтобы переодеться. Ивар сказал, что ты выступала в замке. В этом платье? Ой. Нет, оно красивое, конечно. Если в порядок привести – будешь почти как леди. Матушка моя велела спросить, может, сорочка нужна на смену и простое платье? Она может дать. А потом сошьет, что надо.

– Это было бы отлично, – согласилась Ринна. – Твоя матушка портниха?

Ну разумеется. Платье от лучшего столичного портного, надетое утром, всего лишь «почти как у леди». Надо сказать, платье уже потеряло всякую свежесть и измялось, и вообще, было в этом трактире вопиюще неуместным.

– Теперь она помогает и шьет, – закивала Клея, – была акробаткой, потом разбилась, покалечилась. На круге мы с братом работаем.

Ринна даже растерялась от того, как просто и обыденно девочка говорила о таких вещах.

– А колдуны-лекари не могли помочь? – спросила она.

– Немного помогли. Но они ведь дорого просят – это раз, циркачей колдовство плохо берёт – это два.

– И тебе не страшно быть акробаткой? Это ведь опасно. Заработать можно и по-другому, и даже больше. Ты никогда не хотела пойти в услужение? В какой-нибудь замок?

– Ой, нет, ни за что, – помотала головой Клея, – я точно не

сумею. Да и разве это жизнь? А акробаткой быть не страшно, я уже привыкла, и работаю давно. Пламя сохранит, не упаду. А ты певица или музыкантша? Я слышала, в замках такие есть...

– Лей, тебя Мара зовёт, беги! – в дверях стоял Ивар.

Ну конечно, они зашли в комнату, оставив дверь распахнутой. И не упрекнёшь нахала, что не постучал.

– Эсс Ивар? – она холодно взглянула на него.

– Миледи, – он с насмешливой улыбкой наклонил голову. – Брат просил присматривать, чтобы у вас всё было в порядке. Всё в порядке?

– Абсолютно, – заверила она.

Нет белья на смену, нет хотя бы расчёски, но что всё в порядке – это безусловно.

– Вам нагреют воду для ванны. Позже.

– Прекрасная новость. Передайте Рику, что я очень благодарна.

– Сами благодарите, ваш ведь муж, – фыркнул парень, – и вот ещё что. Служить циркачи могут, прислуживать – нет. Это я про Лей, вы ведь поняли?

– Да что вы вмешиваетесь не в свои дела? – опять рассердилась Ринна.

Этот циркач сегодня испытывал её терпение.

– Я лишь предупредил. Циркачек лорды в любовницы берут, это есть, а вот в горничные или кухарки – никогда. Да, и женятся на них ещё иногда, бывает, – он смотрел на Ринну

и беспечно улыбался.

– Что-то не верится, – отрезала она.

– Почему это? – он простодушно похлопал глазами, – и лорды на циркачках женятся, и леди за циркачей выходят, вот мы только сегодня сами видели.

– Оставьте меня уже в покое? – в сердцах бросила она.

– Как скажете, – Ивара не следовало просить дважды, он быстро поклонился и исчез.

О горничной она решила поговорить с Риком, после.

Скоро Клея принесла сверток с одеждой и – какая умница! – гребень и кусок мыла, и даже помогла Ринне переодеться, причём проделала это очень ловко.

– Ой, как тебе идет! – восхитилась она, – Рик обрадуется! Этот цвет красивый, красный!

– Да, вполне, – разглядывая себя в темном пятнистом зеркале, Ринна пришла к выводу, что выглядит неплохо. – Спасибо, Клея. И матушке передай мою благодарность.

Она не носила до сих пор этот цвет – как можно девушке надеть красный! Красный, но более яркий – цвет платья новобрачной, лишь после подвенечного наряда надевают красный! Но циркачи, видно, не слишком смотрели на условности. И вот так просто закрутить на затылке едва расчёсанные волосы – тоже моветон. Это временно. Только длинная сорочка и платье, никаких нижних юбок – ужасно, но многие циркачки так и были одеты, она успела разглядеть. Подол широкий и длинный, чтобы не наступить на него, пришлось

выше подобрать юбку и туже затянуть пояс.

– Ну вот и хорошо, а я – купаться! – сообщила девочка, – скоро закончатся тёплые деньки! Может, пойдёшь?.. Там ведь где-то Рик. Мой Корвин обожает ходить со мной купаться!

– Нет, не хочу, – отказалась она.

А это юное создание, оказывается, уже играло с кем-то в любовь. Или уже не просто играло? Это же циркачи.

– Он хотя бы не лорд? – пошутила Ринна.

– Кто, Корвин?! – поразилась девочка. – Он фехтовальщик, как Рик!

Не следовало идти к реке, а одной и вовсе. Хотя, если послушать по всему королевству, как злословят про леди Ринну Венеш – она и капризная, и глупая, и вовсе сумасшедшая! Осталось это заслужить, право слово. И не сидеть же в душном трактире.

Ринна захватила с собой простыню, чтобы вытираться. Она миновала место у реки, откуда доносились голоса и плеск воды – не стала приближаться, чтобы не попасть никому на глаза. Шла довольно долго, пока не отыскала отличное место. Река там делала поворот, густой кустарник закрывал подход к реке, от случайных глаз он тоже неплохо скроет. Было пусто. Вот и хорошо. Она искупается в сорочке, потом придется раздобыть у матери Клеи ещё одну.

Это было приключением – никогда ещё леди Ринна не бы-

ла у реки одна. Она ещё раз огляделась, зашла за стену из кустарника и начала снимать платье, но успела лишь расстегнуть его и спустить с плеч, когда услышала со стороны реки всплеск. На берег из воды выбрался человек.

Рик. Да-да, он самый, её муж. Голый. Она зажмурилась. Вот за что ей ещё и это?!

Он легко миновал сваленные у воды камни, стволы деревьев – и ни разу не споткнулся, не пошатнулся даже, ступал легко и пружинисто. Как большой и ловкий зверь. Вся его фигура, движения показались ей такими красивыми, что сердце ёкнуло. Она, хозяйка дикой кошки, признавала только такую красоту, непринуждённую и ловкую, и дикую в своей естественности. Ну да, ведь уже замечала, что он красив, этот Рик Кан. Не выразительной, броской красотой, как его брат, но так даже лучше.

А она замечала?..

Как бы сбежать? И ещё это яркое платье, так некстати. Она присела, поднимая брошенную на траву простыню. Он тоже нагнулся, взял что-то и обернул вокруг бёдер, и повернулся, посмотрел прямо в её сторону. Заметил, конечно. И шагнул к ней, отгибая ветки.

Да что такое?! Приличный человек отвернулся бы и дал ей уйти, чтобы потом ни вздохом, ни взглядом не напомнить о неловком происшествии. Смешно! Разве циркачи умеют себя вести?..

– Что это вы здесь делаете? – он был всего лишь удивлён. –

Искали меня? – она дар речи потеряла от такого предположения, а может, и не только от него.

Рик не вытерся, на его коже, слегка тронутой загаром, блеснули капли воды. И он весь был сплетён из тугих, крепких, как веревки, мышц. Ну конечно, эти циркачи такое выделяют во время представлений, что просто обязаны отличаться от прочих людей!

– Я не искала. Я не нарочно. Прошу прощения, – сказала она.

– А жену я всегда рад видеть. Тем более такую растрёпанную, – он протянул руку и коснулся непослушного завитка возле её виска. – Купайтесь, вода отличная. Я присмотрю, никто не подойдет.

Она часто задышала, лихорадочно пытаясь подобрать слова, которые доходчиво объяснили бы этому...

Он оскорбительно себя ведёт!

– Я тоже отвернусь, конечно, не переживайте, – понятливо добавил он.

С этим мужчиной сегодня они венчались, поклялись в верности, их благословило Пламя. Они оба не были искренними в Храме, но Пламя благословило!

– Я не буду купаться, эсс... Рик, – сказала она, отступая. – Я лучше вернусь.

– Ринна, постойте, – окликнул он. – Подождите меня, я провожу до деревни. Не нужно ходить одной.

– Вы в качестве сопровождения – плохая защита для ре-

путации, – сказала она, опять невольно скользнув по нему взглядом.

Он засмеялся:

– О да, про репутацию вы вовремя вспомнили.

Ей хотелось на него смотреть, это было наваждение. Порыв ветра со стороны реки, легкий, как дыхание, бросил в лицо запахи воды и тины, зелени и каких-то цветов... и его запах, тонкий и тёплый, с еле заметными мускусными нотами... этот его запах нравился, хотелось ещё, хотелось вдохнуть глубже...

Его глаза вдруг оказались рядом, близко, бездонно-чёрные, его ноздри затрепетали, а ей захотелось подойти и прижаться к нему лицом, почувствовать щекой короткие курчавые волосы у него на груди. Он понимал её. И был на всё согласен. Один шаг, и...

Безумие. У него ведь не чёрные глаза, а показались такими. У него глаза... да, верно, зелёные с коричневыми точками.

Не она, а он шагнул вперед, обнял её обеими руками, не прижимаясь, зато их щёки соприкоснулись, слегка потерлись, и это было так приятно, что пронзило её всю до самых пяток.

– Кошка, – сказал он хриплым шёпотом ей на ухо. – Я так и думал. Ты просто дикая кошка.

– Да вы с ума сошли, эсс! – она опомнилась, наваждение рассеялось.

Она сильно оттолкнула его. С таким же успехом можно было толкать дерево. Но он не спеша отстранился сам.

– Я Рик. Успокойтесь. Мы поговорим потом.

Холстина, которую незадолго до этого он обернул вокруг бёдер, в этот самый момент развязалась и свалилась вниз. Ринна вскрикнула и отшатнулась, он только криво улыбнулся и поднял потерю, вернул на место.

– Прошу прощения. Идите, я сейчас оденусь и пойду следом.

Она почти сбежала, продираясь через кустарник и поцарапав руки.

Он назвал её дикой кошкой. Почему? Что он имел в виду?

Вокруг таверны теперь сновало втрое больше народу, чем час назад.

– Тут ведь праздник! – сообщила Клея, – будут музыка и танцы. Граф прислал овец и бочку вина, чтобы пили и ели за здоровье его наследника!

– Да, как я могла забыть, – вздохнула Ринна.

Второй день торжеств в честь племянника. Странная блажь – устраивать шум на всё графство. Отец так не делал. То есть в честь рождения наследника – это само собой, даже не обсуждается, и положенный салют, и праздник, но трехлетие и прочие возрасты у них отмечались только дома, без размаха, застолье для узкого круга и довольно скромные подарки – и всё. Когда-то, на её семилетие, отец принёс Ми-

ку... Не нынешнюю, а другую, первую ее рысь. Рысёнка. Сам он таем не был, дар Ринна получила от матери, а любой дар надо приручать. Поэтому появилась Мика, а с ней и наставница Исминельда. К тому времени мамы уже два года как не было на свете.

Внизу, прямо под окнами, накрывали длинные столы. Значит, тут и съедят тех самых присланных баранов и выпьют то самое вино! Ещё и цирк приехал. Им придётся ночевать посреди деревенской гулянки! Немыслимо...

Ринна выглянула в коридор, окликнула проходящую служанку – та даже не оглянулась. Тогда она дошла до конца коридора, оказавшись прямо над обеденным залом. Внизу женщина за стойкой протирала чашки – хозяйка?

– Эсса? Мне нужна горничная! Поторопитесь, пожалуйста! ста!

– Обождите, милочка! – бросила та нехотя, – мы тут с ног сбиваемся!

Леди Ринна Венеш теперь стала «милочкой», и слуги не бежали к ней со всех ног по первому зову. Вот бы назваться...

Она вернулась в комнату, присела к зеркалу и занялась причёской, только закончила приводить себя в порядок, как в дверь постучали. Служанка?

Это был Рик. И он тоже приоделся, в коричневый камзол из шёлка с серебристыми пуговицами. Отнюдь не по последней моде, но Ринне понравилось уже то, что он оделся доста-

точно прилично.

— Здешнюю прислугу надо разогнать всю, непонятно, как хозяин позволяет такое отношение, — пожаловалась она Рик, — я не могу дожидаться горничной. И вообще, мне нельзя без горничной! Надо нанять кого-нибудь. Потом выставите счёт, я оплачу, и за прислугу, и за остальное! Мы, Венеша, платим по счетам!

— Я знаю, что платить надо деньгами, а не обещаниями, — с легкой иронией заметил Рик. — Граф, конечно, может сначала обещать, а потом платить, ему не откажут. А вот к циркачам другое отношение. К тому же известно, что в слугах циркачи не нуждаются и деньгами не сорят. Да, дорогая жена?

Ринна дернула плечом и собралась возразить, но он продолжал:

— Желаете всем тут объявить, что их почтила присутствием сестра владельца? Да, тогда забегают. Только я не стал бы так делать.

— Вы считаете, мне надо бояться? И кого же?!

Рик пожал плечами:

— Хотя вы и ушли в чём были, кто-то да решит, что у вас что-то осталось, так? Теперь, когда не стало защиты Венешей, почему бы не попробовать вас ошипать? Осторожность не помешает.

Ринна промолчала. Такая очевидная вещь до сих пор не приходила ей в голову.

– Будьте добры, не дразните гусей, – попросил Рик. – Постарайтесь. Я не стану нанимать служанок. Откуда у циркача деньги на прислугу? Да и как это будет выглядеть в цирке?

Это было резонно, но Ринне не нравилось. Особенно намёки на опасность.

– Мы договорились, – подвёл итог Рик, – пойдёмте ужинать.

– Почему я не могу попросить еду в комнату?

– Не надо прятаться. Я сказал, что вы артистка из столицы, и мы женаты, – он улыбнулся. – Кстати, предупредил, чтобы нас не поздравляли. Сможете представить, что мы давно супруги и уже надоели друг другу?

– Хорошо, – она холодно кивнула. – Только я не стану задерживаться за столом.

– Конечно. И вас не съедят вместо жаркого, – взяв её за руку, он невзначай погладил её ладонь большим пальцем. – Давайте поиграем немного?

Рик Кан был только циркач, но он всякий раз оказывался на шаг впереди леди Ринны Венеш, и говорил, что ей следует делать. Она терялась. Это её задевало.

На столе всего было вдоволь – пирогов и блинов, жареного с пряностями и тушёного мяса, блюд из овощей, которыми одарила в этом году урожайная осень, рассыпчатой каши. Не было тех изысков, что подавались на стол в Ленгаре, и, конечно, не было чопорности, царившей за тем столом. Вот

интересно, а что происходит сейчас за тем столом?..

Циркачи и жители деревни сидели вперемешку, ели, пили вино из разномастных высоких стаканов. Ринна тоже отпила вина, оно оказалось не слишком вкусным – далеко не лучшее вино Клайк выкатил из своих погребов для жителей графства. Но, кажется, все были довольны.

– Вот, любовь моя, – Рик, сидящий рядом, подвинул ей стакан с водой, – и попробуй перепёлку, они чудо, – он подцепил ножом жареную птичку и положил перед Ринной на листе хрена.

Да-да, никаких фарфоровых тарелок, глиняных тоже, вместо них были листья хрена и капусты, а кашу черпали из общей посуды. Перепёлка оказалась очень вкусной, хотя Ринна, как ни старалась, не могла различить вкуса знакомых специй, а это у неё получалось всегда.

– Очень вкусно, мой дорогой, – сказала она, подыгрывая Рику, – надо вызвать повара и поблагодарить за отличные блюда.

– Вызывать не надо, – Рик рассмеялся. – Если хочешь, завтра утром зайди в кухню и поблагодари кухарку. И оставь ей пару монет, я потом дам.

Ринна вспыхнула, опустила взгляд. Конечно, здешний этикет отличается от того, что принят в высоком обществе, не надо об этом забывать.

– А вы, что же, при королевском дворе пели? – с интересом спросила соседка по столу, толкнув Ринну локтем.

– Нет, я играла на лютне, – нашлась она, отодвигаясь.

По крайней мере она умела играть на лютне довольно сносно. А для Фарута она сыграла бы, дай ей волю – два дня лечил бы уши!

Говорят, ни у короля Фарута, ни у королевы Савадины нет музыкального слуха, они плохие ценители. Хотя этого не скажешь про управляющего придворным оркестром.

– Подожди меня, – Рик, похлопав её по руке, вылез из-за стола и ушёл в трактир.

– Ах, пожалуйста, не задерживайся, – сказала она ему вслед.

Вот так, на людях, подыгрывать ему казалось даже забавно. Вернулся он скоро, протянул ей стакан.

– Попробуй, жёнушка, тебе должно понравиться.

Это был горячий напиток, благоухающий травами, ягодами и мёдом, и ещё там было вино, но его Ринна даже не сразу различила.

– Здесь кое-что от моей знакомой травницы, – пояснил Рик. – Готовил тоже я. Вкусно?

– О да, – признала она – кажется, я ещё не знаю всех твоих талантов, муженёк.

– Ещё успеешь изучить, – и бровью не повёл циркач. – Видишь, даже из такой дряни, как это вино, можно сделать что-то сносное.

Она медленно допила напиток. Музыканты уже играли – на дудках и домрах разного размера, не королевский ор-

кестр, но тоже ничего.

– Потанцуем? – Рик предложил ей руку. – Ну, смелее. Никто не увидит и не осудит. Все лорды далеко.

– Но я не знаю этот танец...

Да, она собиралась быстро поесть и уйти из-за стола. Но теперь хотелось и танцевать.

– Тебе понравится, – шепнул Рик ей на ухо.

Видимо, это вино было виновато, но даже ненастоящая радость вдруг показалась такой желанной.

Они с Риком вышли в круг. Простой танец, только успевай кружиться и перебирать ногами! Рик подхватывал её, кружил и подбрасывал, и они были лишь одной парой из многих. Голоса и смех, мерцающий цвет факелов, кто-то порывался петь – всем было весело, и даже, странное дело, захотелось, чтобы праздник не заканчивался...

Глава 3. Пестрая дорога

Что это за комната и как позвать горничную?!

Ринна протирала глаза и в недоумении оглядывалась. Это – сон? Не её постельное бельё, не её кровать, не её комната. И мужчина рядом откуда взялся?..

Она рывком села в постели и ущипнула себя за руку. Всё так и было: на краю кровати лежал мужчина, спиной к ней, и спал. И она его узнала даже со спины – это был Рик Кан, конечно. Её так называемый муж. Она потерла ладонями лицо, окончательно просыпаясь, вспомнила вчерашний день и ужаснулась. Она вышла замуж, но ведь не по-настоящему же! С чего циркач решил, что может завалиться спать с ней рядом?!

А сама она была только в сорочке и укрыта одеялом, и одеяло это укрывало её одну – Рик спал отдельно от неё и от одеяла, и он был одет. И всё равно – на одной кровати! Это было... возмутительно. И волнительно вместе с тем. И... о Пламя Милосердное!

Это она вчера забыла о приличиях, вот что.

– Рик? Просыпайтесь! – она безжалостно потрясла его за плечо, не забывая кутаться в одеяло.

Он проснулся сразу. Помотал головой, моргая.

– Что такое?! Что-то случилось? – и тоже сел, огляделся.

– Как вы смели делить со мной кровать?!

– А... Тихо, не шумите, – Рик укоризненно улыбнулся. – Я не притронулся к вам. Я ведь обещал.

Ну конечно. Вчера на празднике они изображали пару любящих супругов. Но не до такой же степени, чтобы спать вместе!

– Вы не понимаете очевидного?! Моя постель – только моя! – вскипела она.

– Вы опять про репутацию? – он хмыкнул.

– Нет, про вашу деликатность! И прекратите надо мной смеяться.

– Простите. Я обещал, – повторил Рик уже без улыбки, – вы в безопасности. Но спать на голом полу без одеял я не обещал. Это жёстко и холодно. Вчера тут суета была и пьянка, слуг не дозовёшься, а моя повозка... её заняли без спросу, в общем.

Она онемела от изумления. Слуг не дозовёшься! Кто-то занял его повозку! Была пьянка! Вот так оправдание. Куда она попала?!

– Зато кому-то повезло больше, чем мне этой ночью, – сообщил он, прищурившись, – в моей повозке...

Ринна отвернулась, кусая губы. Они, кажется, заигрались.

– Для всех мы женаты, – напомнил Рик. – Примите это, и станет проще. И это никак не повлияет на действительность нашего брака, если я не трону вас. Всё решится потом, а сейчас мы женаты.

Нет, такого она не хотела и не собиралась. Подпускать чу-

жого мужчину к себе так близко – в спальню, в постель? Нет, это слишком.

Он вдруг подался ближе, взял её за плечи и тихо сказал:

– Все хорошо, кошка. Успокойся, и ты сама почувствуешь...

– Что почувствую?.. – она дёрнулась, отстраняясь. – Пожалуйста, уйдите.

Им так легко было вчера – быть вместе, танцевать, шутить, они неплохо изображали пару. А ещё она некстати вспомнила его запах, смешанный с запахом реки, его легкие упругие движения тренированного зверя – там, где впору было переломать ноги, и капли воды на чуть смуглой коже...

– Чем ты вчера напоил меня?

– Да просто чай из трав с каплей вина. Вино было мерзким, а с медом и травами неплохо пошло. Знаешь, я так хочу тебя поцеловать, – вдруг сказал он отчего-то хрипло. – Ты ведь тоже хочешь? Хотя бы из любопытства? – и его шершавая от утренней щетины щека коснулась её щеки, потерлась, как погладила.

Да, он так уже делал. Это приятно, хотя... всё равно нельзя.

Она оттолкнула его, если бы сопротивлялся – царапнула бы ногтями этого нахала.

– Ты не выполняешь наш договор!

– Не злись, – он погладил её пальцем по щеке, быстро встал и ушёл. Ринна долго сидела, обхватив руками колени,

и смотрела куда-то в угол, снова заснуть не стоило и пытаться. На самом деле ей захотелось его поцелуя. Из любопытства, конечно. И ещё она разглядела, отчего у него медовый взгляд. Среди тёмных ресниц у него попадались светлые, рыжие. Как необычно.

Ах да, кошкой её до сих пор тоже никто не называл. И он как-то умудрялся произносить это так, что звучало необходимо и даже приятно. Хотя не было ничего хорошего в таком прозвище. Для девушки из рода Венешей – определённо ничего.

В дверь поскреблись, и заглянула служанка.

– Не спите, эсса? Эсс сказал, что вам нездоровится, велел позаботиться. Так чего желаете? Завтракать? Чай подам, булочек, масло, кашу только что сварили. Как вы себя чувствуете?

– Неплохо, – вздохнула Ринна, – только чай, я не голодна. Ещё принеси мне умыться.

– Конечно! – охотно согласилась девушка. – И чай принесу, и хоть одну булочку, и джем малиновый! А вчера вы так весело отплясывали, эсса, так веселились! Вы такие красивые с мужем, счастливые, вам только завидовать.

Ага, счастливые... завидовать... Ринна в замешательстве посмотрела на служанку, стараясь понять, есть ли в её словах издевка. Но девушка казалась искренней, и чем-то напоминала Этель, её Этель, болтушку, которая за словом в карман не лезла. Для служанки это недостаток, служанке следует быть расторопной, молчаливой и говорить, когда этого

хочет леди. Но Ринне разговорчивость Этель не мешала – главное, что с обязанностями та справлялась. И вот ещё одна простодушная девочка, которая понятия не имеет о том, какой должна быть служанка для леди.

– Я не помню, как вчера попала в постель. Не расскажешь?

– Это пожалуйста! – обрадовалась девушка, – вы, видно, очень устали вчера. Когда стали мыться, уснули в ванне. Вас эсс на руках сюда отнёс.

Вот ужас. В первый же день – такое...

– Что, и одевал он? – спросила она севшим голосом.

– Нет, вам помогала я. Он отнёс, а потом ушёл, когда вернулся – я и не видела. Так я пойду за водой, эсса.

Она убежала, а Ринна поторопилась одеться – такую простую одежду нетрудно было надеть без горничной.

Служанка притащила таз с водой, пахнувший травами зубной порошок и полотенце.

– Какая вы красивая, эсса, – щебетала она, пока Ринна умывалась. – И вам так повезло с эссом Риком! Ах, если бы мне за такого замуж! Только не за циркача. В цирк уходить страшно. На одном месте спокойнее жить, проще! А вы смелая, эсса. Любите, наверное, сильно?

– Он тебя не учил, что мне говорить? – заподозрила коварство Ринна.

– Нет, что вы, что вы, мы с ним и не говорили вовсе, – смутилась девушка. – Только вам всё равно будут завидовать. Он добрый, щедрый...

– А откуда знаете?

– Он уже у нас останавливался. И месяц назад ехали в Асвард с эссом Иваром. И год назад они жили тут, и к ним приезжали две красивые леди! В карете.

– Что?.. – Ринна даже выронила мыло от неожиданности.

– Ой! – девушка испуганно зажала рот рукой. – Простите, эсса, простите, простите, пожалуйста! Не говорите эссу Рик, что я вам сказала, очень прошу! Не скажете?

– Не скажу, – пообещала она, но настроение отчего-то испортилось.

Циркачек, как говорят, лорды охотно берут в любовницы. А леди, значит...

Ну и ладно. Ей-то что? Им осталось провести вместе несколько дней.

Чай с душистыми травами девушка принесла, и обещанные булочки, но Ринна выпила только чай и вышла во двор. Там, за тем же столом, уже завтракали. Невысокий круглолицый эсс средних лет, она видела его вчера, помахал ей рукой, крикнул:

– А Рик ушел к реке!

Рик нашёлся неподалёку, на маленькой полянке среди кустарника, и он играл с рысью, с рыже-пятнистой кошкой, которая резвилась, как домашний котёнок. Рик держал в руках длинную палку, дразнил рысь, она прыгала, стараясь схватить конец палки, иногда ей удавалось. И Ринна поняла, что это её Мика, только когда подошла, а ведь обычно свою кош-

ку она узнавала издали, она её слышала. Теперь зверя от неё закрывал... другой тай?

Другой тай отобрал рысь! Мика пришла сюда, к ней, это было чудо. Но она сейчас была с Риком. Однако – здесь, и жива, и Ринна искренне обрадовалась, хоть и невольно обиделась на Рика. Наставница учила, что это нехорошо – подчинять зверя, привязанного к другому таю, а Рик сейчас делал именно это.

– Мика! – закричала Ринна.

И рысь услышала, бросилась к ней со всех лап, прыгнула, толкнув в грудь, так что Ринна каким-то чудом удержалась на ногах – Мика была крупная кошечка.

«Осторожно! Успокойся! Я тут! Ты моя! Сядь!»

Рысь заурчала и села. Теперь между ними получилась связь, то есть всё было в порядке. Ринна обняла рысь и расплакалась.

Рик подошёл. Ринна больше не ощущала с Микой другого тая, но то, что он там был только что, её злило.

– Ты тай! – прекратив тискать Мику, обвиняюще сказала она, и встала, посмотрела ему в глаза. Она не хотела обвинять. Он ведь помог, она сама попросила. Но это всё равно злило.

– Да! – тот усмехнулся. – А как, ты думала, мы вытащим рысь из зверинца? Нас было четверо, два тая. На десяток стражи и шесть собак.

– Ты не сказал мне.

– А должен был? Спросила бы, если было интересно.

– Почему ты спрятал от меня рысь? И как? Привёз в повозке?

– Что? – вот теперь он, кажется, удивился. – Ты не понимаешь? Я не вез её в повозке. Я её направил, она пошла. Получилось. Ты что, не умеешь так?

Она отрицательно качнула головой.

– Ты не должна смешивать свои чувства с чувствами зверя, – он продолжал пристально смотреть на неё. – Вы должны быть отдельно. А ты смешиваешь, причём привыкла и не замечаешь. Видела, как рысь к тебе бросилась? Это была твоя радость, я не её.

– Ты-то откуда знаешь? – в ней опять волной накатило раздражение.

В некоторые вещи, которые её касались, никто и никогда не вмешивался. А теперь этот якобы муж вторгается, куда не звали, причём так, словно имеет право.

– Я ведь слушал её, – пояснил Рик, отвел взгляд и отступил, – тихо, кошка.

И тут же взглянул на неё по-другому, мягко, ласково, и ей захотелось вздохнуть и улыбнуться.

«Пожалуйста. Успокойся. Я люблю тебя»

Она это не услышала, а ощутила и могла бы повторить – кому? И это были очень приятные несколько мгновений, а потом она опомнилась и испугалась.

Это говорилось рыси – та заурчала и потёрлась о его ногу,

словно и правда была домашней кошкой. Но Ринна не должна была это ощущать. Или... что это только что было?

– Что ты делаешь? Как?

– Ничего, – он отвернулся. – Ты не должна открываться и слишком смешиваться со зверем. Твоя наставница зря получала жалованье.

– Тебя это не касается, – Ринна постаралась вложить в эти слова побольше льда.

– Мы ещё поговорим об этом.

– Я леди Ринна Венеш, – напомнила она зачем-то.

– Я помню, – он взял её за руку, вроде спокойно, не стискивал, но вырваться не получилось.

И волна спокойствия и ласки опять захлестнула, заполнила. Опять влияние Рика, и это было приятно, но неправильно! Она ведь не рысь!

– С рысью что делать будем? Может, просто отпустишь её? – спросил Рик.

– Что? – поразилась Ринна.

– Она выживет. У неё будет своя, счастливая рысья жизнь, – пояснил он. – Тебе лучше побыть без неё.

– Она слишком ручная. И не много ли ВЫ на себя берёте, Рик Кан – давать мне такие советы? – она выделила обращение. – Пусть Мика едет в повозке. Если нужно доплатить, то я готова.

– Ах, расточительная жёнушка, – хмыкнул её несносный муж. – Ладно, пусть. Сможете вести рысь по лесу? Не на ве-

рёвке, я имею в виду.

– Конечно, – кивнула она.

– Хорошо, буду присматривать, – не поверил он. – Только тогда не вздумайте царапаться. И так хочется хоть один поцелуй. Авансом в счет платы?

Ну что за человек, потешается он над ней, что ли? Уже мог бы понять, что она ни за что не станет с ним целоваться.

– Я заплачу серебром, – нелюбезно сказала она. – вы меня, наверное, путаете с теми леди, которым можно платить поцелуями?

Рик на это лишь удивлённо приподнял бровь.

– Серебром так серебром.

Он хотел ещё что-то сказать, протянул руку... и мимо их лиц с противным свистом пронеслось что-то, Ринна отпрянула.

Неподалёку из дерева торчал арбалетный болт.

– Так... Тихо! – сквозь зубы бросил Рик и шагнул, отесняя девушку за спину, – замри, кошка.

Он прислушался, потом пронзительно свистнул, одновременно Мика издала протяжный мям и метнулась в чащу. Ринна только ахнула. Её рысь снова послушалась чужого тая. Тот, у кого арбалет, наверняка вооружён и чем-то ещё! Что сделает рысь против ножа? И Ринна сцепила зубы, поймав себя на желании тоже броситься за Микой.

Не добегая вон до тех деревьев, замереть. Подкрадываться. Почуять того, кто прячется. Он один... Скорчился меж-

ду корней дерева, его не видно. Он надеется переждать опасность, но рысь его чувствует. И уже видит...

Мимо кто-то нёсся, топая и треща ветками. Рик не уходил, продолжая заслонять её от чего-то, он был напряжен, весь обратился в слух. Ринна моргнула и перевела дух, пропали чрезмерные звуки и запахи – она перестала быть рысью. И ей стало страшно. Ей всегда становилось страшно не тогда, когда следовало бояться, а чуть погодя, когда бояться было уже нечего...

– Всё, – Рик взял её за руку. – Пойдёмте, посмотрим.

Стрелка уже вытащили из убежища, разоружили и связали, и он сидел, прислонившись к дереву, озираясь по сторонам и выглядел жалко – совсем молодой парень.

– Знаете его? – спросил у неё Рик.

Ринна покачала головой – нет, она впервые видела этого человека.

– Ну и ладно, – кивнул Рик, – это не от короля и не от графа, у тех бы нашёлся кто получше. Этот и стрелять толком не умеет.

Парень быстро взглянул на Рика и отполз немного в сторону.

– Тебе чего надо-то было? – спросил Рик у пленника, тот смотрел в сторону и отвечать не стал.

– Мы его спросим, – негромко сказал мужчина позади Рика, – он нанятый.

– Расспрашивайте, – согласился Рик, – а мы с женой не

станем задерживаться, – и взглядом попросил её не возражать.

Рысь неторопливо побежала рядом с Риком, почти касаясь боком его ноги.

– Его сдадут страже? – Ринне всё ещё было не по себе.

Вид арбалетного болта, пролетевший мимо головы – это плохо для душевного равновесия.

– Мы решим, – сказал Рик. – Не переживайте, – он не выпускал её руку, и это было неожиданно приятно, и даже не хотелось сердиться на него из-за Мики. – Неприятности в цирке встречаются. Может, я побил кого-то в Асварде, меня решили наказать. У меня было несколько боёв.

– Вы так спокойны!

– А чего попусту прыгать? Всё уже случилось.

– В цирке своя охрана, да? – запоздало удивилась она.

– А как же. Кавертен у нас не бедный человек. А люди разные, бывают и с дурыю в голове. Но если догадаетесь о чем-то... может, я чего не знаю? Рассказать не хотите? – он пытливо взглянул.

– Нет-нет, – Ринна покачала головой. – Ничего такого. Всё было как обычно, пока не... – она отвернулась и сморгнула слёзы.

Да, всё было в порядке, пока её внезапно не выгнали из дома.

– Хорошо, – Рик легонько сжал её руку, желая подбодрить.

И она впервые подумала, что остаться с ним было бы возможно, если бы...

Нет-нет, нельзя остаться. С какой стати? И Рик ведь не скрывает, что всего лишь желает заработать, и свои услуги ценит дорого. Просто слишком давно никто вот так не держал её за руку! Некстати она растаяла.

Неважно. Она уже решила: просить помощи у тёти, добраться в Гринзаль, там взять деньги в банке. Гринзаль – независимое герцогство, тамошним банкирам нет дела до глупых решений руатского короля. Там она будет сама себе хозяйка! Остаться с Риком невозможно. Она – Венеш!

Отъезд задерживался, хотя циркачи уже собрались, запрягли лошадей, уложили в повозки вещи – это было привычной для них работой и делалось быстро. Все были бодры, никто не мучился головной болью после вчерашней пирушки. Рик ушёл куда-то, несколько раз попросив Ринну ждать его в трактире – мог бы и не повторять, её больше не тянуло на приключения. Ещё он отцепил от своего браслета маленький серебряный шарик-подвеску и пристегнул ей на брачный браслет. Этот шарик был ни к чему на серебряной вязи браслета, но Рика, похоже, не волновал внешний вид.

– Это амулет, – пояснил он. – Для безопасности. Потом подберём другой.

– Не нужно, что здесь может случиться? – пробовала она отказаться, – и потом, как же вы?

– Со мной всё будет в порядке, – отмахнулся он.

Сам Рик носил этот шарик на кожаном браслете, на который ещё была надета серебряная пряжка – Ринна сначала решила, что это гильдейский знак, все мастерские не самого низкого пошиба были членами ремесленных гильдий и носили подобные знаки. Скорее всего, так и было, ведь взрослый сын хозяина цирка должен быть членом своей гильдии.

Циркачи уже и не смотрели на Ринну, теперь куда больше внимания привлекала рысь, которая улеглась под колёсами повозки. Неожданное осложнение: рысь была спокойна, она привыкла и к людям, и лошадям, а вот лошади нервничали – до тех пор, пока не подошёл невысокий круглолицый парень и не пошептал им что-то. Ринна его помнила среди тех, с кем они уезжали из Ленгара после венчания. Тоже тай, наверное, ведь Рик говорил, что таев было двое.

Ринне он кивнул:

– Всё в порядке, м-м... эсса? Удержите зверя?

Но глаза отводил и явно смущался.

– Всё в порядке, – заверила она.

– Ну зовите, если что. Понадобится клетка – скажите, найдём.

Похоже, он тоже был невысокого мнения о Ринне как о тае. И напрасно.

Вчерашняя знакомица Клея не смущалась, просто подошла поболтать.

– Ай, как Кавертен недоволен, – сообщила она, – не любит, когда его планам мешают. Но куда денешься, придется

задержаться. Ты не очень испугалась?

К простецкому обращению Клеи Ринна уже привыкла. Да и Рик абсолютно прав был в том, что не надо ей привлекать внимание.

– Не испугалась, не успела. А что, часто такое бывает?

– Чтобы какой-нибудь безголовый ни с того ни с сего из арбалета стрелял? Да с чего бы такое было часто? – мотнула головой циркачка, – чаще драки бывают, которые разбирать приходится. Воруют – но не мы, а у нас. Нас чаще огульно обвиняют. Ну и другое. Мало ли. Вот в начале лета, веришь ли, один барон много нам крови попортил. Из-за меня. Хотел забрать и ничего слушать не хотел. Кавертен даже жаловался графу. И время потеряли, и заработок.

– То есть как это – забрать и слушать не хотел? – удивилась Ринна. – Какое же он имел право?

– Право? Да никакого, – по-взрослому усмехнулась девочка. – А что, все всегда по праву поступают? У сильных и богатых и прав больше. Спасибо хозяину, что не отступился.

Ринна только покачала головой. Ей было дико такое слышать.

– Многие бы отдали, и цену повыше назвали, чтобы выгоду не упускать, – добавила Клея. – Да только я не хочу так.

– А часто бывают такие... предложения? Для циркачек?

– Бывают, – дернула плечом Клея. – Иной богатей к соседке и не помыслит с кошельком подойти, а к циркачке, думает – можно. Нет, если полюбовно, то оно и неплохо может

быть...

– Потому, значит, и подходят, что позволяете, – не удержалась Ринна. – Говоришь ведь, что если полюбовно, то неплохо. А должно быть так, чтобы недостойное всегда было недостойным.

– Да, наверное, – не стала спорить девочка, – только это трудно. И можно остаться ни с чем. Циркачи сегодня тут, завтра там, оттого некоторым кажется, что с ними по-всякому можно! Как ветер в поле, а кто станет стесняться ветра?

– Хороший человек станет, плохой – нет. Хороший чтит заповеди Чистого Пламени, даже когда он один в поле...

– Ну да, – легко согласилась девочка. – Только отчего-то даже хорошие не прочь побыть плохими, если за это к стенке не припрут. Вот как ты считаешь, почему сестра ленгарского графа всё замуж не выходит?

– Что? Н-не знаю, – от неожиданности вопроса ответ запутался у Ринны на языке. – А при чём здесь это, вообще?

– Ты видела её близко? Я только издалека. Она точно красивая?

– Не знаю, – пожала плечами Ринна. – Это важно?

– Думаю, не слишком красивая, если снять с неё шёлковые наряды, – уверенно заявила Клея. – Может, без золота и не нужна никому? Нет, я не то говорю. Может её полюбовно никто не хочет? А она не хочет за золото.

– Вот умница! – раздражённо усмехнулась Ринна, – и как догадалась?

И зачем всем этим людям лезть, куда не просят? И в парадных покоях замков, и даже здесь, в цирке. Рассуждать, осуждать, объяснять, всё понимая лишь с высоты своего разума. И если дамам из окружения Бьюлы или придворным её величества королевы Савадины действительно нечем заняться, то что за дело до неё маленькой циркачке, которой всё понять ещё сложнее?

– Это матушка моя так говорит! – Клея засмеялась. – Ладно, я пойду, матушка ждёт, – и она убежала.

Из кухни потянуло подгоревшим хлебом – и вкусно, и горько, и ещё это запах досады из-за испорченной выпечки. Хотя, когда хлебная корка излишне подрумянивалась, Ринне это нравилось. И да, ведь надо ещё поблагодарить кухарку...

Она обошла дом, отыскала заднюю дверь в кухню, заглянула. Чумазая девчонка в огромном, не по росту, фартуке чистила у входа овощи. И запах горелого явственно говорил о том, что медлить не следует, но девочку, похоже, это не волновало. Позволить хлебу сгореть в печи истинная руатская леди просто не смогла бы – особенно если она на немалую долю воспитана Ноной.

– У тебя горит хлеб! – сообщила она девочке, – вынимай скорее!

Та только хлопала глазами и выглядела дурочкой.

Ринна сама бросилась к печи, открыла заслонку. Это была простая деревенская печь, не такая, как в кухне Ленгарского замка, и хлеб тут пекли без противней, просто на поде

печи, подстилая под буханки капустные листья. Лопата нашлась тут же, у печки. Скоро шесть круглых буханок лежали столе, и можно было оценить, что урон не так и велик, с двух срезать пережжённую корку – и ничего. И тут как раз в кухню с причитаниями вбежала полная пожилая женщина в коричневом вдовьем платье, она тащила запечатанную кадушку. Шмякнула её на лавку и всплеснула руками.

– Ой, просила же этих бестолковых! Вот спасибо, дорогуша, помогай вам Пресветлое Пламя!

– И вам, – отозвалась Ринна. – Позвольте? – она взяла крайнюю буханку, с удовольствием понюхала.

Нона звала её Ласточкой. Нона была молочной сестрой мамы, с ней и приехала в Ленгар. Отношения с мамой у неё были самые тёплые – не на людях, а между собой. Нона могла бы и более высокое место занять в Ленгаре, по сути любое, но она была потомственной пекаркой и другого места не искала, кроме как на кухне. Зато положение у неё было особое, на которое никто не покушался, и отказа не было ни в чём, и главный повар, большой любитель покричать, с Ноной единственной говорил тихо и уважительно. И молодая леди была для неё Ласточкой.

– Чудный запах, – сказала Ринна, – что добавляете в тесто?

– Толчёный пажитник, – сразу ответила кухарка и улыбнулась, – и вкусно, и силу мужскую, говорят, добавляет. Да я много чего кладу, только понемногу. И мяту лесную, и чес-

нок, — она взяла большой нож и одним движением разрезала одну из буханок на две части. — Видишь, тёмное в мякоти — пажитник.

— Сюда ещё черного перца можно чуть-чуть?

— В хлеб? Можно, отчего же нет. Но дорого, покупать надо. Перец только в пряники... — кухарка похлопала ладонью по принесённой кадушке, — вот, привезли мёд, сегодня и замесим. К Новому году напечём. К празднику много снеди надо, сама знаешь, поди.

— Да, — кивнула Ринна и улыбнулась.

Суета у печки и пряный, густой запах хлебного мякиша не давали помнить о плохом.

— Я пришла сказать, что перепелки вчера были невероятно вкусные, — вспомнила она. — Чем приправляли, не скажете?

— Понравилось? — кухарка просияла. — Сама приправку делаю, ничего иноземного. Могу и подарить. Её же в лепешки кладу, и мяса не надо, — она достала с полки берестяной коробок, отсыпала из него приправы в кусок полотна и завязала, — вот, возьми. А хочешь сейчас лепёшек замесить, в дорогу? Вы, вижу, задержались. Хлеба вчерашнего ваш хозяин, правда, взял, да лишним не будет!

— Только я сама, хорошо? — обрадовалась Ринна. — Мой муж потом заплатит.

— Ладно тебе, за горсть муки с нас не спросят, а постояльцев можно и уважить! И приправки моей подсыпь! — и перед Ринной тут же выложили муку, яйца, миску с зернистым сы-

ром и всё прочее нужное, и ещё вручили чистый холщовый фартук.

Вот же своевременный подарок – Ринне как никогда захотелось помять в руках податливое тесто.

– Вижу, что дело наше понимаешь, а руки у тебя маленькие, белые, чёрной работы не знают, – заметила кухарка чуть погодя. – В богатом доме росла, да? Как же попала в цирк?

– Так уж вышло, – Ринна сдула со щеки непослушную прядь, избегая смотреть на добрую женщину.

– Понятно, – закивала кухарка, – любовь она такая. Так пусть она тебе на счастье будет, на долгую жизнь! Вот, я топлёного маслица достала! Говорю же, язык отъешь!

К тому времени, когда её нашёл Рик, на столе возвышалась гора румяных лепешек, они с кухаркой выпили по чашке крепкого чая с молоком и мёдом – надо же отведать, какой мёд купили на пряники, и у Ринны голова шла кругом от рецептов приправ, на которые не требовались дорогие иноземные специи.

– Ты чего это? – удивлённо спросил Рик. – Мимо кухни пройти не можешь?

– Ловка ваша жена стряпать, эсс. Повезло вам, – строго сказала кухарка. – Такое сокровище беречь надо, раз уж перепало!

– Ещё бы. Я на кухне в неё и влюбился, – и бровью не повел Рик. – Спасибо, тётушка Уна.

Повариха завернула им всё лепёшки.

– Вот и угости людей, – решил Рик, – познакомишься со всеми, робеть перестанешь.

Наверное, в этом был резон. Как дочь графа, она не раз выходила к народу – с отцом, на площади, одаривала деньгами или угощением на праздниках, принимала подарки от гильдий. Так что она быстро и весело раздала угощение собравшимся у трактира циркачам, и не цирковые детишки подбегали – ну так что же, им тоже досталось. Женщины ещё приготовили чай из сухих яблок – в котле, ради этого разожгли костёр между фургонов. Этот чай, густой и сладкий, пах вчерашним вином, но – самую малость. Ринна получила большую чашку.

– Ты умница, – похвалил Рик, – так и продолжай.

Себе он придержал большую лепешку и принялся жевать её, когда цирк выехал на дорогу.

– Глядя на вас, не скажешь, что вчера была пирушка, – заметила она.

– Не маемся похмельем? – Рик засмеялся. – Циркачи допьяна не пьют. Прихлебнуть можно, и только. А то из гильдии запросто вылетишь, если нарвёшься, конечно.

– Да? Как странно, – она удивилась, – не слышала о таких правилах в гильдиях.

– Не странно. Ты же видела, какие мы делаем трюки? – хмыкнул Рик. – Нет, всякое бывает, конечно. Есть и пропойцы, которых никогда не выгонят. Но только не у Кавертена.

Ринна порадовалась, что вожжи теперь взял Рик, а Ивар

даже не подходил близко. Рик сам позвал её сесть рядом. Рысь устроилась в углу повозки, возле сундука, и, зажмурившись, дремала. Лошади бежали не спеша, их не понукали и за поводья не дёргали, как будто животные и сами давно знали, что им делать. Повозки длинным обозом растянулись на дороге.

– От чего защищает амулет? – спросила Ринна, – вдруг кто-то опять выстрелит в вас? – она, спохватившись, опять перешла на церемонное «вы».

– От этого и защищает, – ответил Рик. – Выстрелят – промахнутся.

– И так каждый раз?

– Нет, не каждый, – он глянул исподлобья. – Вы ничего не знаете о действии защитных амулетов? Разве ваш отец их не имел? И никогда вам ничего такого не объяснял?

Сам он про свои амулеты рассказывать не стал – она это отметила.

– У отца было кольцо, – сказала она, – иногда он надевал его мне. Да, меня не учили таким вещам, потому что женщины находятся под защитой мужчин. Мы носим амулеты из храма, а не колдовские вещи, – она показала на тонкий серебряный браслет с узором из языков пламени, который теперь удачно дополнял брачный.

Дар тая – не колдовской дар. Но не многие это понимают, таев всегда было мало. В Руате, кажется, благодущней относятся к колдовскому дару, чем в остальных королевствах

– но не в настолько благородных семействах. Родилась колдуньей – теряешь имя и надежду выйти замуж за равного, отправляешься учиться в колдовскую гильдию. Поэтому все таи носят храмовый браслет как свидетельство того, что не являются колдунами. Исминельда, наставница, тоже носила.

Ринна искоса взглянула на руки Рика – ну да, конечно, у него не было такого браслета.

– Вам надевали охранный амулет? А когда это было? – заинтересовался Рик.

– Давно, и даже не в Руате. Отец брал меня с собой, когда ездил по Побережью.

При жизни отца они много путешествовали, есть что вспомнить. С его смертью всё интересное закончилось.

Рик понятиливо кивнул:

– Правильно. В дороге бывает всякое.

– Это знак вашей гильдии? – она показала на пряжку на кожаном браслете.

– Конечно.

– У Ивара такого нет.

– Наблюдательная моя, – Рик улыбнулся, – Ивар не вступал в Цирковую гильдию.

И на её вопросительный взгляд пояснил:

– Он не всегда циркач. Он тут так, подзаработать, ненадолго, Кавертен позволил, – и блеснул белозубой улыбкой.

– Что?! – удивилась Ринна. – А кто же он?

– Наследник лорда. Был женат, у него сын подрастает.

Он мастер фехтования. Посвятить немного времени путешествиям и заработку – так ли плохо для благородного наследника? – он забавлялся её недоверием.

– Вы шутите, – поняла она и рассмеялась. – Никакой дворянин не стал бы ездить с цирком, тем более выступать. Он должен служить королю. И разве в цирке можно заработать?

– Можно, – подтвердил Рик, – особенно хорошему фехтовальщику. Когда дерёшься на пари, за каждый бой получаешь неплохо.

– На мечях? Но у простолюдинов нет права меча! – продолжала она недоумевать.

– Бывает, что и на палках. Но знаете, после недавней войны даже простолюдины мечами владеют, хотя не носят их, конечно. Но в цирке можно. Мечи у нас небоевые, тупые. Вот что, дорогая, не говорите никому то, что я сказал про Ивара, хорошо? – она заговорщицки подмигнула ей. – И ему тоже не говорите. Он рассердится.

– Не скажу, конечно, – пообещала она.

Правильно он беспокоится, у этого Ивара такой нрав, что дразнить его она бы не рискнула. Она сказала:

– Рик, я хочу попросить. Не шутите больше про любовь. Не люблю такие шутки. Я имею в виду – как тогда, с кухаркой.

– Хорошо, дорогая жена. Простите. Больше никаких шуток, – тут же пообещал Рик.

Она повернулась к нему, взглянула – почудилось в его го-

лосе что-то такое, беспокойное. Но нет, он просто смотрел перед собой.

На этот раз молчали долго, Рик достал откуда-то несколько разноцветных шариков и принялся затейливо подбрасывать их все сразу, то одной рукой, то другой. А Ринна, бездумно глядя на проплывавшие мимо то луга, то чахлые перелески, могла подумать. Кое-что вспомнить.

Дикая кошка. Нет, Дикая Кошечка. Прозвище девушки из веселого дома. Как тогда сердился отец!

– О, мой дорогой! Я не оправдываю Клайка. Но ты ведь понимаешь, – Исминельда не говорила, а мурлыкала, утешающе и нежно. – Он взрослый. Он скоро женится и решил, что ему нужен опыт. Это не преступление.

Исминельда всегда умела успокоить отца.

– Вот узнаю, кто подбил его на эту глупость! – бушевал граф Ленгар, не желая успокаиваться.

– Безусловно, глупость, но многие молодые люди его возраста... Разве нет?..

– Пусть хотя бы выяснят, здорова ли эта Драная Кошка! Пламя, мне даже неловко поручать такое секретарю!

– Дикая Кошечка! – Исминельда рассмеялась тихим, грудным смехом. – Я навела справки. Из новеньких, красивая, свежая. Пока бывает только с Клайком.

– О Пламя! Ты навела справки?! Даже не приближайся к этой помойке!

– Ну что ты, дорогой? Будь я графиней Ленгар, и то это

было бы уместно, раз дело касается сына. Ты как маленький, право...

– Что ты такое говоришь?!

Отец рычал, Исминельда мурлыкала. Ринна не стала слушать дальше, убежала. Она долго потом не могла избавиться от чувства гадливости, не разговаривала с Клайком. Это что-то такое, житейское – следовало из слов наставницы. Но как она могла, она ведь тоже тай?..

– Почему вы назвали меня дикой кошкой? – спросила она Рика.

– А что вам непонятно? – он перестал играть шариками.

– Просто скажите.

Он подумал немного, поглядывая на неё, кивнул.

– Кажется, что вы некоторым вещам учились у своей кошки, в то время как должны были – у матери, у тётушек, у наставниц, у старших сестёр. Рядом с вами не было близких. Оттого и некоторые... странности, – он слегка запнулся. – Это стало частью вашей натуры. Вы можете подчиниться зверю, как и он вам. Или другому таю. Никогда не замечали?

Ну нет. Она понимала желания Мики, но не подчинялась. Иногда соглашалась, иногда баловала кошку. Но не подчинялась. До сих пор – никогда. Как может зверь подчинить тая?! Да, она слышит, как Рик влияет на зверя. Но ей – поддаваться влиянию? Рик неправ.

– Нет, – она отрицательно качнула головой. – Это невозможно, что за глупости?

– Я не умею учить. Тем более женщин, – сказал он. – Потом я найду вам наставницу.

– Когда это? – удивилась она, – мы скоро расстанемся. Но я поняла. Благодарю. Я продолжу обучение.

Она заметила краем глаза, как он сжал кулаки, стискивая вожжи.

– Вы так уверены, что справитесь?

– Я теперь со всем намерена справляться, эсс. У меня нет другого выхода.

Он повернул голову, посмотрел ей в лицо.

– А это неправда. У вас есть я. Поверьте, я найду, кто мог бы хорошо обучить вас и исправить ошибки той... гм...

– Не смейте, вы её не знаете! – возмутилась Ринна.

Она хорошо относилась к Исменельде и плакала, когда та уезжала из Ленгара. Исминельда девять лет была её наставницей, старшей подругой, никогда – суровой гувернанткой, напротив, от гувернантки и учительниц всегда можно было спастись с Исминельдой. А то, что её любил отец – её кто угодно полюбил бы.

– Простите, – спохватился Рик, – конечно, я её не знаю и не имею права судить. Но это дела не меняет. Она давно покинула вас?

– Да, вскоре после смерти отца. Мне было шестнадцать.

– Ей следовало оставаться с вами до замужества и некоторое время после. Так принято. Ведь у вас в семье больше нет таев, да? Кто мог бы помочь?

– Только я, – согласилась Ринна.

– А ваш двоюродный дядюшка герцог Караяш?

– Что? – она удивилась, – вы знаете?.. Последние лет двадцать герцог Караяш в ссоре с моим отцом.

– Племянник герцога лорд Савари. Леди Гвенна Кори. И наверняка кто-то ещё.

– Поразительная осведомленность.

– Таи знают друг о друге. Интересуются, – пояснил он, пожав плечами. – Вы просто жили взаперти. Я могу назвать навскидку ещё десяток имен, но они вам ничего не скажут. И ещё королева Кандина. Ваша двоюродная прабабка, хотя в степени родства могу и ошибаться, извините.

– Кандрийская королева-мать, – вздохнула Ринна. – Я даже знакома с ней. Но я тогда была ещё маленькая.

– О, вот даже как, – он улыбнулся, – говорят, она вздорная старушенция!

– Что? – вот теперь Ринна откровенно возмутилась, – да что вы себе позволяете? Во-первых, её никто не считает вздорной! Во-вторых, как вы смеете говорить такое о королеве?!

– Да что вы говорите?! – его это развеселило. – Только я позволяю себе лишнее? Не знаю, как в Руате, а в Кандрии я нашёл бы вам сочинение о том, как некая капризная принцесса отшивала женихов. Почти в любой книжной лавке. Их было двадцать четыре, и о каждом она наговорила такого, что обхохочешься.

До Ринны не сразу дошёл смысл услышанного.

– Наговорила?.. Двадцать четыре? А почему не тридцать шесть?!

– Я тоже не понимаю, почему, – согласился Рик, – была бы толще книжица, интересней. Сочинители ведь тоже за денежку стараются. Могли бы и на сорок восемь замахнуться, лентяи.

За их спинами проснулась и сначала протяжно мяукнула, а потом грозно зарычала рысь.

– Тихо, – Рик сразу посерьезнел, глянул на побледневшую от гнева Ринну.

Он достал из кармана мелкую серебряную монетку и вложил ей в ладонь.

– Вот и учитесь отгораживаться от зверя. Представляйте серебряную сеть между вами, и помните, что вы слышите друг друга, но каждый – отдельно, сам по себе. Это ведь простое упражнение. Что, никто не замечал, что рысь воет, когда вы сердитесь?

– Я поняла, – она сжала в кулаке монетку.

Общение тая со зверем – на языке чувств, эмоций, а формулы подчинения, которые при этом твердит тай – это способ передавать чувства, они больше для самого тая, чем для зверя. Обычному таю легко быть отдельно от зверя, но Ринна Венеш не обычный тай, она может больше. Рику не понять.

– Всё будет хорошо, – он взглянул ей в глаза, – только оставьте глупую мысль о вашей тётушке и её монастыре. Они

ничего не смыслят. А я могу помочь.

– О нет, тогда у меня серебра не хватит, чтобы с вами расплатиться, – пошутила она, хотя кто знает, сколько там было шуток.

– Об этом не беспокойтесь, договоримся, – Рик улыбнулся, и от его короткого, опять такого янтарного взгляда ей стало жарко. – А жаль, моя леди. Будь у нас с вами по хвосту и по четыре лапы, как проще всё было бы.

– Что?! – она засмеялась.

Он пояснил:

– Кошки не делят друг друга на циркачей и графов. Дочери графов обычно хорошо дрессированы, в отличие от кошек, и делают что требуется, – он поймал Ринну за руку и, предупреждая её возражения, продолжал, – знаете, в обучение тая входят азы дрессировки. Вас этому учили? Без влияния, просто дрессировка, как это делают люди без дара. Это добавляет понимания. Учили?

– Нет, – Ринна покачала головой.

– Тогда послушайте. Кошки независимы и дрессировке поддаются плохо. Но их можно принуждать. Запереть в клетку. Не кормить. Иногда используют боль. Любой хороший дрессировщик победит дикую кошку. И ей будет очень плохо, но только поначалу. Потом привыкнет и станет слушаться. С любым зверем так, с каким-то проще, с каким-то труднее.

– Наверное. Как это ни грустно, – согласилась Ринна и

отодвинулась от Рика. — Я поняла. Но я была избавлена от голодовки в клетке, если желаете использовать такие сравнения. Волей моего отца. Он дал мне право выбирать. Ради мамы, наверное. Она его попросила.

Да, именно так считала Нона. Рик усмехнулся чуть заметно.

— А знаете, чего я на самом деле хочу? Вас, Ринна. Недавно, на постоялом дворе, мне очень хотелось подхватить вас на руки, взбежать по лестнице и пинком открыть дверь в нашу комнату, бросить вас на кровать и... Продолжать?

— Нет, даже не вздумайте! — она кусала губы. — Вы с ума сошли?

— Полагаете, мне помешали бы? Даже если бы вы громко звали на помощь? Нет, уверяю. Мы молодожёны, мне здесь доверяют. Милые всерьёз не бранятся. Все желали бы мне удачи.

— Я никогда не спустила бы вам это...

— Я знаю, кошка. Поэтому так не сделаю. В то же время некоторые женщины любят, когда их заставляют, за них решают, даже насилие они легко прощают, вы слышали об этом?

— Это неправда. Это чушь!

— И есть немало мужчин, которые уверены, что таковы все женщины, а кошек они пинают сапогами.

— Зачем вы пугаете меня? — вскинулась Ринна и выдернула свою руку, теперь он позволил это.

– Пугаю? Просто объясняю, как обстоят дела, – он говорил спокойно, но взгляд его горел, и это пугало. – Оглянитесь, вы больше не в замке Ленгар. Нам не надо пока расставаться, это разумно. Со мной вам нечего бояться, я не стану принуждать. Но дайте нам хотя бы немного времени.

Она постаралась сесть прямее.

– Чего вы хотите от меня, Рик Кан?

— Я хочу, чтобы вы передумали и захотели стать моей на самом деле. Я клялся вам у алтаря вовсе не в шутку, Ринна. Итак?..

Вот это признание! Он ждал ответа. Она побледнела и кусала губы.

– И это всё потому, что вы... как вы там сказали? – она посмотрела ему в глаза. – Потому что хотите меня?.. Хотите открыть дверь сапогом, и?..

Пламя Всезнающее. Юные незамужние леди не должны обсуждать такие вещи, тем более с мужчинами.

– Не только поэтому. Вы тай, и мне очень подходит, – пояснил Рик. – У нас рождается по одному таю на поколение, хотелось бы больше. К тому же...

– Достаточно, – попросила она.

– Да, вы правы. Этого достаточно. Сохранить в семье дар и даже приумножить – уже причина.

– Вы меня обманули. Мы договаривались совсем о другом.

– У вас был выбор? – он усмехнулся. – И потом, я не об-

манывал и сейчас не обманываю. Решение за вами. Я лишь надеюсь, что вы передумаете, это моё право – надеяться.

– Эсс Кан, мое отношение к вам и ко всему прочему не изменилось, – тихо сказала она. – Благодарю, что объяснили некоторые вещи, и предупредили... кое о чём. Я не буду менять планы.

– Хорошо, – он кивнул. – Я лишь прошу немного времени, хотя имею право его требовать. Не эти жалкие несколько дней, вы понимаете? Больше ничего.

Она неопределённо пожала плечами. Пожалуй, это можно было принять и за согласие.

– А про то, что влюбился на кухне – я не шутил, если это вам интересно, – добавил он.

Больше они не говорили до самого Раби. Скоро Рика позвал хозяин цирка, и он прямо на ходу спрыгнул с повозки, а на его место так же ловко забралась Клея. Впереди был только городок Раби, проехать его – и Ленгарское графство останется позади.

Всё останется позади.

Глава 4. По камешкам...

Едва цирк приехал в городок Раби, как мужчины-циркачи начали ставить шатёр рядом с площадью, а большая часть женщин разбрелась по рынку. Рик сразу вручил ей увесистый кошелёк.

– Купите всё на первое время. И тёплый плащ хорошо бы, скоро похолодает, – он взял её за руку, и тут же отпустил.

Его рука была очень тёплой, даже горячей.

«Будь у нас с вами по хвосту и по четыре лапы...»

Рик и ещё несколько мужчин-циркачей тоже отправились с ними на рынок. Кривобокая, согнутая Мара, мать Клеи, хромила и шла медленно, опираясь одной рукой на клюку, другой – на руку одного из мужчин. Ринна сразу почувствовала жалость к этой женщине, и в то же время – расположение. Циркачка казалась спокойной и уверенной, несмотря на увечье, говорила негромко, но как-то так, что её слышали. И взгляд у неё был умный и острый.

В лавку, торгующую тканями, мужчины входить не стали.

– Это полотно как раз на сорочки, – Мара тронула её за руку, – нравится?

– Подойдёт, – согласилась Ринна.

Она выбрала бы тонкий батист, но такого не было в этой лавке.

– А как тебе эта шерсть на платье? – Мара показала на

штуку ткани. – Рик одобрит. Тонкая, шелковистая, и носить-ся будет долго.

Ткань была простая, гладкая, глубокого синего цвета, Ринне понравилась. Насчет долго носиться – она не видела ещё своих сношенных платьев, задолго до этого её одежда переходила в собственность горничных. Стоимость этой ткани, конечно, пустяк для Ринны Венеш, но не для экономных циркачей. Не стоило вводить Рика в ненужные расходы.

– Нет, эту я не хочу. Мне нужны две сорочки и простое платье. Тот зелёный сатин?..

Ей только и надо было, что в приличном виде явиться в обитель. В красном нежелательно. А там тётя ссудит деньгами, и можно будет приобрести скромный, но соответствующий положению гардероб на первое время.

– Сойдёт для служанки, – усмехнулась Мара, и, тяжело опершись на стол, потянулась и погладила сатин. – Хотя и неплохой. Не жёсткий.

Приказчик посматривал косо и не спеша складывал синюю шерсть, которую поторопился услужливо развернуть.

– Позовём Рика, спросим? – не унималась Мара, желающая принарядить Ринну, но та решительно отказалась.

Не хватало ещё, чтобы циркач решал, нужно ли ей платье. Он не зашёл с ними в лавку, и правильно. Дал понять, что это не его дело.

– Я куплю готовое платье, Мара.

– Это у нас есть, – сообщил приказчик, – желаете? – и, не

дожидаясь ответа, громко постучал ножницами по столу.

Выбежавшей из боковой двери девушке он показал на Ринну.

– Эсса платье желает...

– Ну взгляни, – вздохнула Мара и повернулась к другой циркачке, которая тараторила что-то про полосатый холст.

Девушка увлекла Ринну за загородку, и принесла и бросила на лавку ворох платьев.

– Выбирайте, эсса...

Платья были простые, из дешёвой ткани, такие, что легко подгонялись по фигуре шнуровкой. Как сказала Мара – сойдёт для служанки. Ринна примерила несколько и выбрала то, что казалось чуть лучше прочих – цена была смешной.

– Вот что, милая, мне надо уйти. Поможешь? – она выслала в ладонь приказчицы несколько лишних монеток. – И где тут почта?

– Хорошо, эсса, – девушка кивнула, опасливо огляделась, и, схватив Ринну за руку, отвела её через коридор к заднему выходу. – Вот, идите прямо и прямо, не сворачивайте и мимо не пройдёте.

Почтовая контора и должна быть недалеко, где-нибудь на углу площади – в Ленгаре они всегда поблизости от тракта и рынка. И последнее время, если верить секретарю Клайка, почта в Руате стала работать лучше, ей даже можно доверять.

Ещё вчера Ринне Венеш и в голову не пришло бы тайком разыскивать почтовую контору, чтобы отправить письмо.

«Решение за вами, – сказал Рик. – Я лишь надеюсь, что вы передумаете...»

Она не передумает.

Приземистое здание почты нашлось быстро. Ринна положила на стойку монетку и попросила бумагу и чернила. О Пламя, бумага была серая, в чернильнице плавала муха, а перо удалось заточить со второй попытки. А что подумает тётя Астерия, получив от неё письмо на такой бумаге... тоже мелочь, в конце концов.

«Здравствуйте, дорогая тётя, да осенит Вас Ясное Пламя. Любящая Вас племянница Ринна Венеш как никогда нуждается в помощи и поддержке. При этом я искренне надеюсь не слишком Вас затруднить. Я сейчас в Раби, а через несколько дней прибуду в обитель...»

Тётя Астерия её понимала и поддерживала. И настаивала, чтобы Ринна даже не помышляла о смиренной монашеской жизни – к этому надо иметь призвание. Нет, замужество, только замужество! Это долг женщины.

Всё так, но со свершившимся замужеством тётушка её не поздравит. Она непременно поможет с деньгами и разводом.

Перо дрогнуло, и на лист легла жирная клякса. Ужасно, но переписывать некогда. Ринна добавила извинение и попросила сургуч.

Вот если бы Рик совсем ей не нравился! А руки у него были холодные и потные, как лягушки. Но у него тёплые и сухие руки, твердые от мозолей – от мозолей, которые остав-

ляет рукоять меча, такие же есть у Клайка... только меньше. И так приятно было держать его за руку!

Это письмо следовало написать! Чтобы не было пути в сторону, не было искушения действительно остаться с Риком ещё ненадолго. Согласиться с его правом что-то требовать. Казалось, что если начать уступать в мелочах, то каждая очередная уступка будет даваться проще и легче, и...

Так нельзя.

Она вышла из прохладного, сырого здания почты на солнце. Следовало перейти дорогу и вернуться на торг. Конечно, её уже хватились.

По пути она остановилась у палатки с пряностями. Специи пахли одуряюще – как им и следовало. Дорогой, иноземный товар. Она оглядела выставленные на обозрение мешочки – ну да, есть всё, только выбирай. Взять корицы? И немного мускатного ореха? Хотя бы чтобы заправить кашу.

– Чего желает эсса? – торговец придиричиво ощупал её взглядом.

– Попробовать корицу.

Торговец зачерпнул мерочкой-напёрстком немного коричневого порошка и протянул Ринне. Она понюхала, высыпала на ладонь и лизнула.

Запах корицы – запах счастья, уюта и спокойствия, когда всё хорошо и о тревогах можно забыть. А любовь, должно быть, пахнет корицей с мёдом и имбирём. И ещё корицей с имбирем и мёдом пахло от рабочего стола Ноны...

Ей нравится Рик. Ещё немного, и она совсем примет эту простую истину. С самого начала она даже злилась на него не по-настоящему, когда он зачем-то торговался с ней за золотые! И будь он благородного происхождения, чтобы брак с ним не унижал дочь Венешей...

– Вам не по душе корица, эсса? Вы, наверное, не смыслите в настоящих специях!

– Смыслю достаточно, – она вернула мерку, – правда, не разобрала, что это за смесь.

– Да что вы, эсса?! – глаза торговца заметались.

Кто-то мелкий и шустрый выскочил из толпы, с размаху врезался в Ринну, чуть не сбив с ног, пробормотав извинения и бросился бы прочь, если бы чья-то рука не схватила его – и под ноги Ринне упал её кошелёк.

Рик. Каким-то чудом оказался рядом.

– Проваливай, – бросил он воришке, нагнулся и поднял кошелёк, но Ринне отдавать не стал. – Ты так беспечна, жёнушка, – от его голоса повеяло не мёдом с имбирём, а жгучим перцем с... да, пожалуй, что и с мёдом, с тёмным горьковатым мёдом. – купила всё, что хотела?

– Я хочу пять палочек корицы и пять целых мускатных орехов, – она взглянула в глаза Рика, и там тоже был жгучий перец. – И целый имбирный корень, вот этот, – она показала, – и ещё три мерки немолотого черного перца.

– Я вижу тут и молотые специи. Зачем тебе утруждаться, любовь моя? – заметил Рик, никак не показав недовольства.

– Ах, дорогой, так надёжнее! – она сладко улыбнулась.

Как ни странно, цену торговец не заломил, даже назвал чуть ниже, чем она ожидала. Рик спрятал свёрток в свой поясной карман. И ничего больше не сказал, когда они отошли. Совсем ничего. И за руку брать не стал, но пошёл на полшага следом, и Ринна ясно чувствовала, что больше ей не ускользнуть.

– Ты его напугала, – чуть позже сказала Мара. – Кого-то из вас хотели убить сегодня. Говорят, что его. А вдруг из-за тебя? – она вздохнула и махнула рукой. – Приходи ко мне. Поговорим.

– Я приду, – согласилась Ринна. – Моя рысь нам не мешает?

Мара смотрела так, словно одна понимала нечто важное.

– Об рыси не беспокойся. Приходи. Я буду ждать в шатре.

Шатер казался полностью готовым, издали – ярким и праздничным, вблизи было видно, что полотнища порядком потёрты и даже залатаны. Внутри ещё что-то развешивали, натягивали, крепили и настилали. Рик устроился на низком табурете у входа и копался в сломанном музыкальном ящике, в том самом, с которым он вошёл в ворота Ленгара в день их венчания. Рядом на земле, на холстине он разложил инструменты – какие-то щипчики, пластинки, молоточки.

– Мара там, – он показал внутрь шатра и бросил на Ринну подозрительный взгляд. – Дорогая, обойдёмся без сюрпризов нынче вечером? Там выход, конечно, есть. Но сбегать не

надо.

– И в мыслях нет, дорогой, – она прошла внутрь.

Добрая треть шатра была скрыта за пестрыми занавесями. Мика замерла на секунду, и тут же уверенно двинулась туда, за занавеси.

Там было много маленьких тёмных каморок. Рысь шла, уверенно ныряя между полотнами, и вдруг остановилась и недовольно взвыла. С пола поднялся пёс, огромный, кудлатый, и утробно зарычал. Ринна слегка растерялась – у неё плохо получалось ладить с собаками. Уйти? Ну нет. Она попробовала дотянуться до собаки.

«Успокойся. Ты мой. Я твоя...»

Пёс продолжал рычать, а Мика – подвывать, и тут Ринна то ли услышала, то ли ощутила короткое, похожее на хлопок в ладоши:

«Прекратить!»

Пёс умолк, рысь виновато мявкнула и поскребла перед собой лапами, и самой Ринне захотелось поклониться придворным поклоном и извиниться. Всё понятно – вмешался тай, а она снова его услышала. И это не Рик. Или Рик?..

Из-за занавеси показалась Мара. Она опиралась на клюку, под её глазами от усталости лежали густые тени – а может, это вечернее солнце уже ленилось светить. Да, именно солнце – кусок стены здесь был отстёгнут и скатан, и получилось большое окно прямо в сторону заката.

– Ничего лучшего нет, увы мне, миледи, – Мара показала

на табурет.

– Я сейчас не леди, – возразила Ринна. – Мы с Риком договорились. Я называла вас просто по имени, это ничего?

– Мы всё тут так называемся. Но я решила, что надо спросить. Нехорошо, если это задевает.

– Не задевает. Это игра, мы договорились о правилах, – пошутила Ринна, садясь и расправляя платье.

– Игра, – старая циркачка улыбнулась. – Играйте, что ж. Жизнь – это игра, но не всегда можно перебросить кости.

– Конечно, – охотно согласилась Ринна, – я помню.

– Больше никто не знает, кто ты, только мальчики, забравшие тебя из Ленгара, один из них мой сын. Это он уговаривал собак в зверинце. И ещё я и Кавертен.

– Твой сын тай. Ты тоже тай, да?

– Услышала меня? – циркачка кивнула. – Я тай. Но не для работы. Пользуюсь даром, когда мне нужно. Живу с ним, и сыну, видишь, передала.

Недавно она занималась кройкой – на козлах лежала доска с обрезками ткани. На низкой скамейке стоял закопчённый медный чайник. Мара налила в чашки крепкий чай, пахнувший яблоками.

– Угощайся, девочка. В это время дня приятно выпить горячего.

– Это Рик попросил меня вразумить? – догадалась Ринна.

– Нет-нет, – усмехнулась циркачка, – не Рик. Ради него я не стала бы стараться. Но он хороший мальчик, конечно.

– Думаю, да, – Ринна рассмеялась. – Его, наверное, все тётушки считают хорошим мальчиком.

– А, так тебе нравятся плохие? – Мара явно потешалась над Ринной, но обидно не было.

– Если он противен тебе, не давай надежды, – сказала Мара. – Хвост коту надо рубить быстро. Это лучше, чем тянуть, пока сам оторвётся.

От такого сравнения Ринну передёрнуло, а Мика коротко взвыла.

– Да, так и есть, – понимающе кивнула Мара, её глаза смеялись. – Он понял верно, ты слишком связана с рысью, не отгораживаешься.

– Ты это специально?..

– Конечно. Вот, возьми, – как Рик днём, она протянула Ринне монетку, которую достала из коробочки с нитками. – Зажми в кулаке. Серебро помогает. Представляй сеть между вами. Учись отгораживаться, защищайся. Ты должна быть женщиной, а не кошкой. Тебе совсем не нравится Рик?

– У нас не настоящий брак. Пойми, я просто пользуюсь его помощью. И он оценил её в немалую сумму, кстати.

– Но это не так, – Мара быстро усмехнулась, – у меня кривая спина, но не слепые глаза. Я вижу, как вы иногда смотрите друг на друга, то он на тебя, то ты на него. Уверена, вам двоим лишь требуется немного времени. Вы должны познакомиться.

– Нет, Мара, – покачала Ринна головой, – я уйду, если

будешь уговаривать.

– Вот же глупая девочка. Кого обманываешь? Чтобы влюбиться, не нужно ни причин, ни времени. Это чтобы разочароваться и разлюбить, нужны причины и время. Если влюблена и не разочаруешься, потом долго будет болеть душа.

Ринна не нашлась, что возразить.

– Но не это важно сейчас, – продолжала циркачка. – Видишь ли, то, что с тобой случилось, не так уж удивительно для девочек с даром. Они часто бывают непослушными. Так что не только ты испытала такое. Хороший наставник не допустил бы. Твой Рик, он в целом понял верно, но не всё, он ведь мужчина.

– О чем ты говоришь? – осторожно уточнила Ринна.

– Ну вот смотри, – Мара ласково погладила её по руке, – ты родилась знатной леди, ты дочь графа. Ты хорошо знаешь, как следует поступать. Но разве послушание семье, верность семье – не то, без чего не бывает леди? А ты множество раз отказывалась от браков, нужных семье и твоему королю. Конечно, тебя считают сумасшедшей. Разве не странно, что ты вдруг отчего-то забываешь о долге? Ведь на самом деле твои женихи были не так и плохи?

– Так и есть, – согласилась Ринна. – Но к чему ты клонишь? Скажи прямо. Не тяни... кота за хвост, – добавила она, прислушавшись к себе, и покосилась на Мику.

Рысь встрепенулась и оскалилась, но голоса не подала.

– Ты не можешь быть с тем, кто не тронул твою душу.

Причина не важна. Ты не леди, когда выбираешь мужчину. Тебе нужно присмотреться и принюхаться. А те мужчины – им не повезло, вот и всё. Твоя мать была с даром, да?..

Ринна неловко улыbnулась.

– Ты была совсем юной, когда однажды в конце зимы решила выяснить, почему у тебя забирают кошку? Только не говори, что её не забирали.

– Забирали, – согласилась она. – Точнее, Исминельда не подпускала её ко мне. Мы не держали рысь в клетке. Она уходила в парк, когда хотела.

– Даже так? И приносила котят?

– Конечно. В начале лета. У неё было логово в парке недалеко от замка. Но ты права, когда я всё поняла... тогда, зимой...

– Да-да. Брачные игры у рысей в конце зимы. Эту сторону любви тебе показала твоя рысь. Ты, любопытная юная леди, оказалась там, куда не звали. Что сказать, любой тай, близкий со зверем, когда-нибудь да присутствует при этом действе. Для взрослого не страшно. А ты была слишком юной и слишком хорошо слышишь зверя. Чем это обернулось – вот, сама видишь.

Ринна покачала головой:

– Нет...

– Да, – сказала Мара. – Я же не говорю, что ты взяла у рыси всё. Это невозможно, ты ведь не рысь. Но тот урок от рыси тебя запутал. Ты отвергаешь принуждение и должна вы-

бирать, как это делает рысь. Но это невозможно для леди. Ты ведь понимаешь? Подумай. Просто я уже знавала таких девочек. Не знаю, почему это именно так действует!

– Нет, – сказала Ринна. – Рыси не так уж разборчивы, и вовсе не верные возлюбленные...

– Ага, значит, ты пошла дальше и стала разбираться в деталях, любопытная.

– Да, и что же? – Ринна вспыхнула, – мне хотелось понять, что происходит.

– Да ничего страшного, – Мара внимательно смотрела на неё. – У зверей всё естественно, им нечего стыдиться. Плохо лишь то, что ты была такой юной, случилось запечатление, и ты теперь от него зависишь. Потому детей и защищают от таких вещей. Природная суть всех живых тварей одна и та же. Ты поняла и сделала выводы, чего ждать от мужчины, которому тебя отдадут в жёны. Не знаю, что творилось в твоей душе и твоей голове. Но ты не можешь быть леди, когда дело касается мужчины, и ты не можешь быть рысью, потому что ты леди. Оставалось ещё принуждение, но тут тебя пожалели.

Ринна медленно допила остывший чай, опасаясь поднять взгляд на старую циркачку.

Её бы не жалели, просто отец приказал. А его попросила мама. Мама? Зачем попросила? Уже не спросишь. Три года назад брат захотел, чтобы неразумную сестру проверили на предмет порчи или даже проклятья. Ни порчи, ни проклятья

не нашли, уверившись в том, что нет оправданий избалованной негодяйке. А теперь вот, король решил так... И что будет?..

– Ты разберёшься, – сказала Мара. – И всё наладится. Ещё чаю? – она опять наполнила её чашку. – Тебя выпустили из клетки, кошечка. И это правильно. Помири свою кошку со своей леди. Я имею в виду части твоей души. Возьми от них обеих то, что сама захочешь. И пройди обучение.

– Я поняла. Научиться закрываться. Научусь. Я слышу влияние тая, как кошка... но я не теряю контроль!

Не то чтобы Ринна сразу приняла всё, что услышала от Мары – это было бы слишком. Хотя и правильное в этом тоже было, что признавать не хотелось. И ведь до сих пор она была так в себе уверена!

– Не только в этом дело, – качнула головой циркачка, – на рысь можно влиять, если понимать её рысиную натуру. И даже не нужно быть таем.

– Посадить в клетку и морить голодом? Да, Рик говорил.

– Зачем так грубо? – улыбнулась Мара. – А ещё дикая рысь уделяет любви несколько дней в году, остальное время она ни с кем не делит логово. Ей необходимо место, где только она хозяйка, и за него она будет драться. Её земля, её дом. Ей не нужен муж, отец её детей и хозяин её дома и её земли. А тебе – нужен?

– Надо подумать, – Ринна улыбнулась, – от этого будет зависеть, рысь я или не рысь? – захотелось свести всё к шутке.

– Да, подумай, – согласилась Мара серьезно, – мне тоже любопытно, хоть и не моё это дело. Но ты боишься мужчины, которого хочешь, потому что как леди считаешь его недостойным? Или как рысь боишься заполучить хозяина? Или не желаешь спешить? Что разумно, конечно. Можно? – сказала она уже другим голосом и хлопнула по колену, и Мика вскочила и подошла, потерлась мордой об её ногу.

Пальцы циркачки ласково погладили её, потрепали, прощлись по загривку, нащупали тонкий кожаный ошейник и бусину амулета.

– Это то, что я думаю? У этой девочки не было ни любви, ни котят? Злая хозяйка, – она засмеялась.

– Она не обижается, – сказала Ринна и мысленно подозвала рысь, та тут же послушалась. – Я позволяю ей уходить и охотиться. Она довольна жизнью. Спасибо тебе, Мара.

– Да не за что. Обращайся. Завтра мы начинаем представления. Присоединишься? – циркачка посмотрела лукаво. – В маске, никто не узнает. Это весело.

– Вряд ли рискну. Но спасибо за предложение.

Это было бы очень забавно – Ринна Венеш выступает в цирке!

– Я раскроила тебе рубашку. Тут иголка и нитки, – Мара сунула ей в руки сверток.

Рик ждал на том же месте, только теперь он коротал время, играя с цветными шариками.

– Я снял комнату, – сообщил он. – Пойдёмте, провожу. Да,

кстати, вот, сделал от нечего делать, – он достал как будто из рукава и протянул ей согнутую из тонкой железной полоски формочку-туфельку для теста. – Мне понравились ваши пряники в виде башмаков.

Несколько движений пальцев – и шарики один за другим исчезли неизвестно куда.

– Мило! Вы ещё и фокусник? – она, не отрываясь, смотрела на его крупные руки с длинными пальцами, на закатанные рукава рубашки – шарикам некуда было деться.

– Я фехтовальщик, – сказал Рик. – Мы тут на все руки от скуки, вы не знали?

– Понятно. Спасибо, – она полюбовалась формочкой, – тех самых пряников не обещаю, но чем-то попроще, надеюсь, успею вас угостить.

– Буду ждать, – буркнул он.

Вечером Ринна допоздна шила, сидя возле лампы. В открытое окно доносились голоса, и голос Рика она тоже слышала. И почти хотела, чтобы он пришёл, неважно зачем. И утреннее происшествие опять вспомнилось так ярко – кого-то из них могли убить! За что, зачем? Промажнулись потому, что на Рике был защитный амулет? И... он сегодня говорил ей о любви. Это было приятно!

«Я на кухне в неё влюбился...»

Шутливая отговорка, потрепать языком.

«Чего я на самом деле хочу? Вас, Ринна... подхватить на руки, взбежать по лестнице и пинком открыть дверь в нашу

комнату...»

И тут же:

«Вы тай, и мне очень подходите. У нас рождается по одному таю на поколение, хотелось бы больше...»

«А про то, что влюбился на кухне – я не шутил...»

Он сразу откровенно перемешал в одной миске любовь, расчёт и мужские желания, которые, как Ринна понимала – вовсе не любовь. Так рысь ищет себе пару в лесу, потому что настало время и бурлит кровь. Но она не рысь, нет!

Рик так не зашёл.

Мика свернулась на одеяле в углу. В Ленгаре она ушла бы на ночь в парк, но здесь кругом был город, и отпускать её Ринна не рискнула. Кровать была кошмарно скрипучей, бельё – штопаным, и никаких горничных. Зато дверь запиралась изнутри, и окно тоже, пусть из него и отчаянно сквозило.

Ещё несколько дней, леди Ринна. А потом?..

Рысь прыгнула и пошла на мягких лапах по плотному весеннему насту. Веселье. Ликование. Прыжок. И она замурчала, приняхиваясь. Она звала. И её ждали...

Нет, не рысь. Леди Ринна. Если отец узнает, что она одна уехала в лес, то запретит конюхам седлать ей лошадь. Но Мика неподалёку, они только что слышали друг друга.

Ринна слезла с лошади. Она не будет углубляться в лес, конечно же не будет. И она тай, чего ей бояться в лесу!

Она свернула с тропинки, ноги проваливались в снег. Лес, лес, лес. Вдруг рядом мяукнула рысь...

Ринна проснулась. Это во сне она шла по лесу. Это было... давно. Это было... нить воспоминаний потянулась, сматываясь в мягкий, рыхлый клубок.

Она шла и слушала, слушала лес внутренним слухом. Слухом тая. Мика где-то здесь.

Позвала мысленно. Это трудно – звать мысленно, если зверь не рядом, не перед глазами, если он не видит тебя. Но у Ринны почти всегда получается. У неё такой дар!

– Ты будешь сильнее меня, – не раз говорила Исменельда. – Ты и сейчас сильнее. Что дано с кровью, то и умеешь. Главное – управлять даром, для леди большего не требуется.

Как-то быстро все решили, что юной леди не надо достигать высот в этом деле. Она и сама так считала.

– Это дар для твоих детей, – поясняла наставница. – Кто-то из них получит его с твоей кровью. А ты будешь присматривать за обучением, так что должна разбираться в основах. Уверяю, многим дар тая очень даже нужен!

А тогда она шла по лесу и искала свою рысь. Ей было очень, прямо до зуда любопытно узнать, что, собственно, происходит...

Опять прыжок. Урчание, мяуканье. Мика!

Ринна зовёт, и рысь слышит, но ей не до хозяйки. Она сопротивляется влиянию. Она снова рычит, но теперь недовольно, и Ринна понимает, что недовольство зверя адресова-

но ей. Но так ведь нельзя! Позволять зверю проявлять недовольство – нельзя! Нельзя спускать ни единого раза! Это закрепится, понравится – чего доброго. Надо утвердить свою власть, успокоить – это непреложно, как первые буквы алфавита.

«Мика, я здесь. Я с тобой. Ты со мной. Ты моя, я твоя!» – обычная, сотни раз затверженная формула подчинения.

Мика сдалась. Да, «ты моя, я твоя». Потом, конечно, стало понятно, что рысь просто не стала тратить силы на сопротивление, ей было не до глупенькой хозяйки.

Слияние. Слишком легко, скорее – случайно. Появилось ощущение лап, хвоста, сильных, прыгучих мышц под шкурой, нахлынули запахи и звуки, и ясное ощущение чьих-то зубов на своем загривке, и удовольствие и ярость одновременно, желание наподдать лапой. Но нет, Мику не обижали, она, как ни странно, была довольна. Несколько быстрых движений, два тела как одно – и Мику отпустили. Она протяжно мяукнула, потянулась, баюкая удовольствие, которое плеснулось в ней, от загривка до кончика лап и хвоста.

Ринна стояла, прижавшись лбом к жёсткой коре дерева и дрожала, несмотря на то, что ей стало жарко. Она всё ещё была с рысью, была как никогда близко, поэтому тоже видела, как вокруг теперь расхаживает, размахивая хвостом, крупный котяра-рысь, пятнистый и яркий. Вот он сунулся к Мике и получил лапой, и кошка рыкнула. И при этом она не злилась, ничуть – она желала отдохнуть и это была всего

лишь просьба подождать.

Просветление наступило, и Ринна, подхватив юбку и почти не разбирая дороги, кинулась к оставленной лошади, по пути провалилась в сугроб и зачерпнула сапожком снега. Лошадь ждала на том же месте – какая умница.

Она всё поняла, конечно. Когда успокоилась и задышала ровно. Как было не понять? Они знали, что через два месяца Мика принесёт котят. Детей, как говорят, дарит Светлое Пламя – как тут было сообразить, каким образом Пламя наделяет детишек кровью их отца? Вот, теперь вопросов не было. Потому что в то, что у людей всё совсем иначе, отчего-то не верилось.

Волнение прошло, но воспоминание о звуках и запахах зимнего леса, об отчего-то таком пряном запахе хвои, об испытанном рысьими острым удовольствии будоражило разум долго, и пронзительный мускусный запах, который облаком окутывал Мику и её кота, как наяву продолжал щекотать ноздри.

Разумеется, она никому ничего не сказала. Яркость впечатления угасла, и Ринна вдобавок ко всему попыталась по ощущениям воспроизвести картинку – как это все происходило? Любознательность и фантазия – воистину проклятье, лучше бы она этого не делала. Получилось ужасно – смешно и стыдно. О Пламя Справедливое, неужели ты заставляешь и людей, после того как их обвенчают в Храме, проделывать что-то подобное?!

Время шло, и, казалось, она всё забыла. Осталось лишь сухое знание – что это бывает, и это всеобщий секрет. Заговор взрослых, чтобы раньше времени не пугать детей отвратительным знанием. А то, что это доставляет удовольствие – так любое помрачение рассудка, должно быть, приятно! Да да, леди Ринна была категорична в рассуждениях. И все равно, на следующий год, когда ей снова сказали, что пришло время рыси погулять по лесу и её не следует тревожить, она отыскала Мику.

На этот раз она была осторожна, отрезала от себя ощущения. Мика, должно быть, чувствовала хозяйку, но против такого легкого присутствия не возражала. Ринна наблюдала. С Микой был уже другой кот, и ещё один бродил неподалёку, но его прогнали. А пятнистая пара была чрезвычайно довольна друг другом и проделала всё целых четыре раза. Мика всякий раз после сближения прогоняла ухажёра и не позволяла подойти, пока отдыхала и чутко дремала, сколько хотела, а кот волновался, недовольно фыркал, но держал дистанцию, потом Мика урчаньем подавала знак, и всё повторялось...

Они были равны и свободны, эти лесные коты. И никаких тебе «леди должна подчиняться супругу и выполнить свой долг». И вот ещё: «Первейшая обязанность каждой леди – дать наследников своему супругу, быть послушной, добродетельной, желания супруга должны стать её желаниями».

Одна из гувернанток, эсса Мирана, преподавательница

этикета, рукоделия и изящной словесности, читала Ринне такие назидания с удручающей регулярностью. Раньше их можно было пропускать мимо ушей, но с некоторых пор стало тошнить. Только и оставалось, что укрыться под крылышком Исминельды или Ноны, против них любые жалобы воспитательниц были бесполезны, отец просто не слушал.

Скоро в Лингар явился первый возможный жених для дочери графа, он был среди тех, кто сопровождал леди Бьюлу и её мамушку. Первое появление в Ленгаре будущей графини, приглашение погостить и знакомство, ещё даже не помолвка. К тому жениху отец отнёсся благосклонно, явно не прочь был заполучить в родственники – сын графа, племянник герцога, получит титул, с гарантированной придворной должностью. Да, вдовец, лет тридцати – слишком взрослый для девочки, которой всего тринадцать! Ей он показался старым, почти как отец. И смотрел гость на неё ровно с такой же теплотой, как и на свою породистую лошадь.

Отец мягко намекнул. Потом эсса Мирана намекнула более конкретно и потащила Ринну в Храм возносить хвалу Пламени за его милости. Такой подходящий жених – о чём ещё желать? А Ринне, которая вначале отнеслась к этому лорду спокойно, теперь он казался мерзким – отвратительней просто не бывает. Его запах. При первом знакомстве Ринна его не ощутила, но потом...

С ней случилась истерика. Воспитательницы были в шоке, семья неприятно удивлена, от гостей скрыли. А ведь никаких

решений ещё не было принято!

Ринну привёл в чувство лекарь, потом ей долго читала проповедь эсса Мирана – про обязанности леди, про милость Пламени и про чёрную неблагодарность, недостойную графской дочери. Ринна могла только молча плакать, слушая эту невыносимую чушь – надоело, а деться некуда! За этим их застала Исминельда. Наставница рассвирепела и вытолкала добродетельную эссу вон. Ринне она налила воды и увела гулять в парк, и там, слово за слово, выпытала всё.

Выслушав, Исминельда молчала довольно долго. Размышляя, покусывала сорванную с кустарника веточку. Потом сказала:

– Девочка моя. Не каждый запрет – чья-то прихоть. Иногда это необходимость.

– Мне жаль, поверь. Но ведь и так все всё знают?

– Именно, дорогая. Желание любить и размножаться для животных на первом месте – когда наступает пора. Они такими созданы, это непреложный закон. Когда это происходит, Мика сильнее тебя. Ты сильная, это так, но ты ещё маленькая. Лишь очень опытный, умелый тай может мешать зверю во время брачных игр, да и мало кто станет это делать. Зачем?

– И что теперь?..

– Зато ты, кажется, ещё лучше стала сливаться со зверем. Это редкость.

– Я постараюсь разучиться. И всё же – что теперь?

– Да ничего. Ты уже взрослая, несколько лет – и выйдешь замуж. Ты просто немножко рано узнала этот закон жизни – откуда у рыси берутся котята, а у леди – обожаемые наследники её супруга. Не ты одна. Но лучше бы тебе сначала заиметь свою пару. То есть выйти замуж, я хочу сказать. Тогда бы чувства рыси тебя не волновали.

– Исминельда. Мике было так хорошо! Она всегда так?.. То есть, звери? А люди?

Наставница засмеялась и обняла её.

– Да, дорогая. Удовольствие – это награда Создателя за попытку завести потомство. Оно полагается всем – животным, птицам. Иначе мы жили бы в пустыне! Ты только представь себе мышей или лис, которые делают это из чувства долга, как некоторые леди... – она прикусила губу и снова засмеялась, – нет-нет, я немного не то сказала. У людей с этим тоже всё в порядке, поверь мне.

– И тебе не кажется, что это смешно? И стыдно? То, как это делается?

– Да, котёнок. Поэтому сначала надо немного сойти с ума. Это ещё называют любовью. И вот тогда это бывает и не смешно, и не стыдно.

– Исминельда, ты пошутила сейчас?

– Да, дорогая, – наставница, смеясь, обняла её, – всё будет прекрасно, только подожди. Я знаю, что твоя матушка подарила тебе право выбирать, так что ничего не бойся. А я буду с тобой, пока ты не выйдешь замуж, потом меня прогонишь!

– Никогда, Исминельда! – Ринна повисла у неё на шее.

Отец ничего этого так и не узнал. Он не тай и поймёт неправильно всё, что можно понять неправильно – объяснила наставница. Она сама как-то расстаралась добыть ошейник с амулетом, и рыси леди Ринны больше не покидали её в начале весны, и не приносили котят. А когда отец умер, брат сразу удалил Исминельду из Ленгара. Она была любовницей отца, и этого новый граф Ленгар ей не простил. Она тоже умерла где-то в Кандрии через несколько лет. А Ринна... иногда она убегала гулять в парк в теле Мики, а сама при этом оставалась на балконе, дремала или читала, не понимая ни слова. Это было весело. И никто даже не догадывался. Это такой пустяк! Она тай, а другого тая, с кем можно было поделиться таким секретом, в Ленгаре не было.

Клубок воспоминаний был готов, Ринна бросила его прочь и вытянулась на постели. В её новом сне рысь снова шла мягкой поступью, прислушивалась и ловила носом лесной ветер. Только шла она не за любовью. Ей требовались собственные угодья, чтобы охотиться, и новое безопасное логово.

Глава 5. Сладости с перцем и без

Цирковые повозки и палатки стояли кругом на лужайке у трактира, пахло дымом, и, несмотря на ранний час, уже было оживлённо. Огромный циркач, что подмигивал Ринне, теперь колол дрова, и топор в его большой руке казался игрушечным. Он помахал и улыбнулся, она тоже махнула рукой. Интересно, узнал он в ней девушку, которую видел на кухне Ленгара?

У колодца толкались, плескались, один из парней в шутку окатил другого из ведра и тут же получил подножку, упал на траву. К колодцу подошла служанка, и тот, что стоял на ногах, помог ей набрать воды в ведро. Заметив Ринну, он картинно ей поклонился и показал на колодец, давая понять, что место свободно. Она не подошла – умыться у колодца на виду у всех было неловко. Сегодня ей пришлось обойтись без умывания, потому что служанка не явилась, а самой вызывать кого-то для утренних услуг было явно бесполезно. Кажется, придётся разжиться где-то ведром, тазом для умывания и с вечера принести воды. Никогда в жизни ещё Ринна Венеш не заботилась о том, где взять таз для умывания – он всегда был на своём месте. А для чего ещё существуют служанки?

Ринна прошла за повозки, рассчитывая встретить там Рика или Мару, рысь, мягко ступая, следовала за ней, почти ка-

саясь боком её ноги. И она – Ринна чувствовала – была голодна. Следовало раздобыть мяса или отпустить её охотиться, то есть вывести из города. А когда-то от неё требовалось одно – приказать...

Мару и Клею она увидела сразу, девочка месила тесто и недовольно бурчала, а мать, сидящая рядом на скамеечке, что-то ей выговаривала. При виде Ринны она замолчала, а девочка взглянула с благодарностью.

– Будут лепешки, – пояснила Мара, – нам подарили мёд. Как тебе спалось?

– Хорошо спалось. Теперь бы поохотиться, – пошутила Ринна, показав взглядом на рысь.

– Накормить? Я быстро. Тогда это тебе! – Клея сунула Ринне в руки доску с тестом и поманила за собой рысь.

«Иди. Слушайся», – разрешила Ринна, беря доску.

– Вот нахалка девчонка, – засмеялась Мара. – Прости её.

– Да ничего. Есть мёд, говоришь? Дай попробовать? А перец хотя бы есть?

Мёд к лепешкам – хорошо, но ей хотелось чего-то посложнее. Хотя бы мёда с перцем.

– Там твои вчерашние покупки, – Мара показала на сундучок, стоящий у колеса повозки. – Перец будет не чересчур ли?

– Нет, поверь мне, – Ринна с опаской посмотрела на чугунную жаровню, пока ожидавшую на траве. – Если ты сможешь. Я не умею готовить на костре, – она подняла и по-

вязала фартук, брошенный Клеей.

В сундучке нашлось немало полезного, в том числе мешочек с купленными вчера специями и тяжёленькая деревянная ступка. Ринна отобрала специи – перец, один мускатный орех и палочку корицы, немного кардамона нашлось у Мары, – всё высыпала в ступку и принялась толочь.

– Эй! Давай помогу, – рядом стоял парень, облитый водой у колодца. – Не даром, конечно. Доброго дня, тётушка! – бросил он Маре и, присев, крутнулся на пятке.

Мара ему добродушно кивнула. Ринна не помнила этого парня – чужак?

– Помоги, – согласилась она, – получишь лепешку с мёдом. Да, Мара?

– Поглядим, – парень широко улыбнулся. – Я не всякое сладкое люблю.

Однако он ловко управлялся со ступкой, и Ринна занялась тестом. Клея замесила его просто, без сдобы, но с пряным медовым соусом такие лепёшки понравятся и королю. Впрочем, раньше, когда король Фарут гостил в Ленгаре у отца, он предпочитал простую еду, а изыски за столом едва пробовал. Говорили, что женитьба на красавице Савадине, кандрийской принцессе, сделала его более взыскательным. А Венеси потеряли королевское расположение, потому что вскоре Ринна отказалась выйти замуж за младшего принца из дома Крансартов. Потом отношения наладились, но Ринна бывала при дворе только на официальных приемах – на

прочие балы и увеселения её не приглашали, только брата и Бьюлу. Королева Савадина оказалась злопамятной.

Раскатывать лепешки пришлось на смазанной маслом доске. Выпечкой занялась Мара. Ринна, оценив труд парня – получился мелкий порошок, что и требовалось, – отложила в котелок меда и добавила специй. Мед она грела медленно, чтобы дать ему пропитаться вкусом и запахом пряностей, гора лепешек между тем росла. А циркач, оставшись без дела, подобрал несколько длинных щепок и закрутил в пальцах, подбрасывая по очереди. Это было красиво, и Ринна ему улыбнулась.

– Как тебя зовут? – запоздало решила она познакомиться, – нас не представили.

Мара, переворачивая лепешку, весело фыркнула.

– Думал, не спросишь, – ухмыльнулся парень. – Ярвик. Жонглёр, фехтовальщик.

– Сколько же вас, фехтовальщиков, – хмыкнула Ринна.

Ей понравится Ярвик. Веселый, напоминал одного из младших кузенов.

– Таких, как я? Мало, – последовал уверенный ответ. – И как же зовут тебя, красавица?

– Ринна Ве... Ринна. Старинное руатское имя, знаешь ли.

– Понятно. Ринна. Ты тай? То твоя была рыска? Всё равно не пойму, как же ты на круге работаешь с такими белыми ручками?

– Много будешь знать – состаришься быстро, – она при-

нялась поливать лепешки медовым сиропом, черпая его деревянной ложкой.

– Да неужто? – сморщился он и спохватился, повернулся к Маре, – тётушка, я ведь к тебе шел сказать, Ярита переда-ла про джубаранского колдуна. Это точно он. Так что пусть девчонка пока носа не высовывает.

– Ох. Так, значит? – Мара всплеснула руками, – и везёт же ей на напасти! Ну хорошо. Спасибо! – и охнув, принялась снимать последнюю, подгоревшую лепешку.

– Схожу к Кавертену, – заявила она, взяв свою клюку. – И Лей пришлю, пусть лепешки несёт на стол!

– А я плату хочу, – напомнил Ярвик, провожая Мару взглядом. – Где мое сладкое?

– Вот, держи, – Ринна свернула две верхних лепешки, бросила в отдельную миску. – Скажешь, как понравилось.

– Э, не-ет, – протянул он, выразительно поглядев, – говорю же, я не всякую сладость люблю...

– Ничего другого мы не готовили, эсс Ярвик – отрезала она, и, собственно, это всё, что она успела.

Он очень быстро оказался рядом, а она – в тисках его крепких рук. Её губы прижались к её губам, так, словно желали выпить до доньшка. Ошарашенная, она дёрнулась, стараясь вырваться, куснула его, и Ярвик отпустил, отстранился:

– Что? Вот кошка дикая!

И от того, что он тоже назвал её дикой кошкой, она опять

онемела от изумления. Они что – сговорились? И тут как раз парень отлетел в сторону и покатился по траве. Рядом стоял взбешенный Рик. Ярвик резво вскочил и, что-то выкрикнув, бросился на Рика, чтобы тут же наткнуться на его кулак. Следующий удар схлопотал Рик.

– Нееет! Эссы! – опомнившись, завопила Ринна, на неё не обратили внимания.

– Эй, хватит, уймись, она же согласна! Она с нами уйдёт, я откупное заплачу! – проорал Ярвик. – Ах, какая у неё улыбка! Ты же согласна?! – обратился он к Ринне и еле увернулся от кулака Рика.

Рик что-то прорычал в ответ. Ещё пара тумачков – и Ярвик остался лежать на траве. И людей вокруг разом стало как-то слишком много – откуда-то выскочил Ивар, появились Кавертен и тяжеловес-дровосек – этот взял за плечо Рика и что-то говорил, наклоняясь к его уху. Ивар, присев, похлопал по щекам Ярвика и посмотрел на Ринну так, словно хотел убить её на месте. И тут примчалась молодая женщина, очень красивая, с криком кинулась к Ярвику, он со стоном сел, потирая челюсть и сверкая глазами на Рика.

– Хороши, – протянул Кавертен, – вот выйдете на круг с уже побитыми рожками, сразу сорвёте аплодисменты.

Ярвика увела разгневанная красавица – от её язычка досталось и ему, и Рику, и Кавертену заодно. Остальные разошлись сами. Осталась Ринна – она прижималась спиной к столбику повозки, остался Рик.

– Так на что вы там... согласны? – глухо спросил он.

– Ни на что, – возмутилась она, помотав головой, – я не хотела, я... Он стал помогать нам с Марой, вот и всё. Он какое-то известие ей принёс. Мы... ни о чём...

– Дорогая, – Рик выразительно посмотрел на неё, – будьте аккуратней с незнакомцами. Вы не в своей ленгарской гостиной.

– Но я... Он просто сошёл с ума, – она была задета такой несправедливостью.

– Да? И я его понимаю, – ответил Рик тихо, – и это мне вы ещё не улыбались. А жаль. Улыбнитесь мне?

– Эсс Рик, – вздохнула она. – Что за глупости?

Между тем он уже быстро и плавно переместился, и был рядом, и обнимал её. Погладил по щеке. Тот же тёплый его запах, от которого и в прошлый раз кружилась голова, и запах крови из поцарапанной скулы – захотелось лизнуть.

– Улыбнитесь мне.

И Ринна улыбнулась. Ей действительно отчего-то стало смешно. Вот зачем он так делает?! Не следовало, конечно, но она улыбнулась. Ей было в его объятиях хорошо. Их губы и так были рядом, и очень просто они соединились, слились вместе, и... кровь отчего-то стала как игристое вино из подвала Ленгара – когда открывают бутылку.

Рик отстранился, быстро улыбнулся и ушёл, а Ринна ещё какое-то время стояла возле повозки, приходя в себя. Скоро приковыляла Мара и стала искать что-то в сундучке. Потом

посмотрела на Ринну и хмыкнула.

– Что, ударило в голову? Вот так-то, девочка.

– А ты что, подглядывала? – не очень удивилась Ринна.

– Ну, скажешь тоже! Заглянула и ушла, чтобы не мешать. Грешно мешать, такому-то! – она засмеялась. – Вот и опять видно, что кошка. Коты из-за тебя подрались – и вот, тут же сладились.

– Что-о? – поразились Ринна.

– Как влиять на кошку, используя её кошачью натуру? Вот так, например. Когда за кошку дерутся два кота, она достаётся победителю, – сказала Мара и, опираясь на свою клюку, поковыляла прочь.

Ринна проводила её взглядом. Возражать, спорить? Доказывать, что не кошка?..

Тут как раз Клея привела Мику. Она привязала ей на шею ленту и вела, как собачку на поводке. Сообщила радостно:

– Рысь совсем ручная! Мы поиграли немного, ты не заждалась?

– Ничуть. Это тебе надо прятаться от джубаранского колдуна? – вспомнила она сообщение Ярвика.

– От того джубаранца? – оживление мгновенно испарилось с лица девочки, у неё даже губы побелели, – он в Раби?

– Маре передали, – Ринна пожала плечами, уже сожалея, что так небрежно спросила, – что ему нужно от тебя?

– Что нужно? Да что им всем нужно, проклятым?! – глаза Клеи налились слезами. – Забрать меня. Джубаранец! Лучше

уж лорд!

– Ты серьезно? Да что такое?! – рассердилась Ринна. – По закону ни у кого нет права тебя забирать! И никто этого не позволит! Здесь Ленгарское графство, здесь соблюдают законы!

– Он же колдун, – шмыгнула носом девочка, – говорят, сильный. Никто ему не помешает, тем более твой граф. Да какое графу до меня дело? Меня просто спрячут, работать не дадут. Тоже плохо.

– Не бойся ничего, – Ринна обняла её. – Отведай-ка лепёшек. Или нет, отнесём их на стол, – она сама подняла блюдо. – Кстати, кто такой Ярвик? Откуда он взялся?

– Ярвик? Он тут? – радостно встрепелась Клея, – это брат Яриты. Они не из нашего цирка. Не знаю, откуда он взялся, но повидаться хочу! – и страшный джубаранский колдун перестал быть для неё главной новостью.

Так, а Ярита, значит, та красотка, которая недавно тут ругалась. Нет, не хотелось Ринне встречаться ни с ней, ни с этим Ярвиком, но – бояться их, прятаться? Не дождутся.

– Пойдём, – сказала она.

Все были там, за столом. Ярвик устроился на дальнем краю, рядом с тяжеловесом, а Ярита, сверкая синевой глаз и жемчужной заколкой в смоляных волосах, сидела рядом с Риком и что-то рассказывала, жестикулируя, а он улыбался. Недавняя драка была прощена и забыта. Какие же они беззлые, эти циркачи, ну прямо как дети! Или?..

«На рысь можно влиять, если понимать её рысиную натуру. И даже не нужно быть таем», – говорила Мара. И этот намек про драку котов! Про рысиную натуру – конечно, чушь, но неужели Рик с Ярвиком могли нарочно устроить драку? И Ярвик... всё делал тоже нарочно?..

Но это... Что ж, если так, они славно посмеялись.

Ринна подошла, поставила на стол злосчастные лепешки.

– Надеюсь, вам придётся по вкусу. Мы с к Клеей и Марой старались.

– Если с Марой – значит, пальчики оближешь, – тут же весело заявила Ярита, не взглянув на Ринну, и продолжала что-то объяснять Рiku, который тоже Ринну словно не заметил.

– О, как же вкусно! – воскликнул кто-то.

Лепешки исчезали с блюда. Сладкое любят почти все, а если сладость правильно приправить – равнодушных не будет вовсе. Люди сидели за столом теснее, чем, вообще говоря, позволяли приличия. И рука Яриты непринуждённо легла на грудь Рика.

Так, значит. Про драку двух котов всё понятно, а как насчёт двух кошек? Это и подавно весело.

Да, весело. И пришёл азарт – это как играть в кости в маленькой гостиной Бьюлы, когда каждая дама ставила золотые.

Ринна Венеш действительно могла слиться с рысью случайно, то есть упускала сам момент связи, ненадолго забы-

валась. При этом могла говорить, что-то делать – и бежать по лесу или забираться на дерево, и спохватывалась не сразу. На этом и «поймал» её Рик. Но куда чаще она отлично справлялась. Вот как сейчас, например.

Рысь припала к земле и зашипела, а потом издала пронзительный мяв и прыгнула прямо на стол, опрокидывая чашки, замерла перед красоткой Ярিতой и зарычала. Та взвизгнула, вскакивая. Всех сидящих как отбросило от стола. Кто-то ругался, кто-то схватил палку, а Рик остался неподвижен, только теперь он смотрел на Ринну.

Всё, не надо палок. Уже всё.

Она бросилась к столу, обняла присмирившую рысь.

– Простите. Это я виновата. Не могу сдерживаться, такая натура, рысиная. Прости, Ярита. Это я в бабушку, она была ревнивой! – но во взгляде, которым она одарила циркачку, сожаления точно не было.

Тот тай, сын Мары, сидевший тут же, зажмурился и отвернулся – он сдерживал смех. Ивар тоже раскашлялся, подавившись яблочным чаем. Остальные по-прежнему мало что понимали, а Рик молчал.

– И что это значит? – растерянно спросила Ярита.

– Да просто не подходи близко к моему мужу, – ласково попросила Ринна. – Говорю же. А то поцарапаю и не замечу.

– Да, прости мою жену, Яра, – сказал Рик, – она такая: ранит случайно, зато насмерть. Да, дорогая? – он глянул на Ринну.

– Преувеличиваешь, дорогой.

Мике надоело терпеть это непонятное представление, и она снова зарычала и выпустила когти.

«*Отойди. Я больше не буду*», – Ринна погладила её по загривку.

– Так вы женаты, что ли? – воскликнула циркачка. – И почему не сказали?! – и она отступила от стола. – Ну, с меня хватит! Мы уходим. Ярвик!

– Я провожу, Яра, – Ивар встал, подавая ей руку.

Ярвик, догоняя этих двоих, прошёл близко от Ринны и, коснувшись её руки, шепнул:

– Извини, Рыска.

Это извинение мимоходом лучше прочего развеяло сомнения!

Почти сразу все разошлись, а Рик подошёл к ней.

– Должен ли я верить своему счастью, дорогая? Что-то боюсь так сразу верить.

– О чем вы, дорогой? – едко улыбнулась она.

– Так это была шутка? – в его взгляде опять были мёд с перцем.

Кстати, на блюде не осталось ни одной лепешки. Не переложила ли она перца?

– Вы разыграли ревность, чтобы посмеяться? – продолжал Рик. – Недавно ещё стеснялись пройтись со мной, а теперь травите рысью ни в чём не повинную девушку? Вы непоследовательны и жестоки.

– Я стеснялась? Была не права, простите за недомыслие, – сказала она. – Я растерялась от таких перемен. Но вы мне тогда всё объяснили. Для всех мы женаты. Начни я обниматься с каждым, и вы решите, что это урон вашей чести? А для меня – не то же самое?

– Мне даже нечего возразить, – кивнул Рик. – Хорошо, простите.

– И потом, это была тренировка, – продолжала Ринна с улыбкой. – Вы считаете, что я плохой тай. А тут такая возможность, от тренировок в одиночку всё-таки меньше пользы. Вы упражняетесь в дрессировке рыси, и я тоже, знаете ли...

– Ничего не понял, – сказал Рик, – какую рысь я дрессирую? О чём вы толкуете, вообще?

– О чём толкую? О том, как приручить рысь, зная её повадки. По правде говоря, сама я не додумалась бы!

– Так-так. А можно об этом подробнее? – он либо ловко притворялся, либо действительно не понимал.

– Ах, перестаньте, – усмехнулась она, – ваш друг Ярвик более правдив. Понятно, что вы нарочно затеяли драку.

– Я нарочно затеял драку?! Кто-то из нас сошёл с ума. Интересно, кто? – Рик поймал её за руку.

Разговору помешал Кавертен – появился рядом и окликнул Рика.

– Поговорим потом, – тот нехотя отпустил Ринну.

Ну конечно, потом они поговорят. А пока она поскучала

немного, и позвала Клею вместе прогуляться по торгу – хоть вдвоём, хоть с кем. Не тут-то было! Им преградил дорогу цирковой охранник – она уже знала, что несколько парней, которые временами вели себя как циркачи и даже помогали ставить шатёр, на самом деле охрана.

– Нельзя без Рика, – объяснил охранник, строго зыркнув на неё. – Он на этот счёт предупредил.

– Может, вы нас проводите хотя бы до вон той лавки? – предложила она.

Лавочка была через дорогу, и над ней раскачивалась вывеска галантерейщика. Денег у Ринны всё равно не было, но ведь и по лавкам иногда ходят прогуляться, а не покупать.

– Рик запретил, эсса, – сказал охранник, – только он может разрешить, у него спрашивайте.

Она прекрасно знала такую породу людей и почувствовала её в этом парне – солдат, пёс, выполняющий приказы. Странно было такого встретить здесь.

– А Кавертен? – уточнила она чисто из любознательности. – Хозяин может отменить приказ Рика?

– Нет, эсса. Только Рик может разрешить, – повторил охранник.

– Нет, эсса. Только Рик может разрешить, – повторил охранник.

– Но разве не Кавертен – хозяин? Рик здесь кто? – она просто захотела выяснить, что к чему.

Охранник немного смутился, открыл рот, чтобы отве-

тить... и закрыл, не ответив.

– Рик запретил, – повторил он внушительно и глянул так, что Ринне расхотелось продолжать беседу.

Значит, оставалось скучать, и ещё шитьё.

– Забери Лей, сделай одолжение, – попросила Мара, – пусть сидит в трактире, пока джубаранцы не уедут из города.

– Может, я уже ему и не нужна? – с надеждой предположила девочка, – ну что во мне такого особого, скажи?

– Хорошо бы! Да им, джубаранцам, как втемяшится что в голову, палкой не выбьешь, – не согласилась мать, – посидишь взаперти, ничего с тобой не станет, – и вручила корзинку с шитьём.

И Ринна увела Клею к себе. Маленькая циркачка не любила шить, поэтому с несчастным видом бубнила жалобы:

– Я только пальцы исколю. У меня швы все кривые, видишь? Лучше бы я разминаться сейчас пошла! Лучше бы я на круге отработала! Мне прошлый раз знаешь сколько денег накидали? Да я бы купила такую рубашку, и ещё осталось бы! Зачем мне сидеть и пальцы колоть?

Она, похоже, и не собиралась колоть пальцы – принялась плести человечков из суровых ниток, найденных на дне материнской корзинки. Ринна тоже не слишком любила шитьё, но её воспитательницы были безжалостны, а каждая леди обязана уметь шить. Вот она и стала шить, затейливой строчкой, скользящим швом – не придерёшься. А Лей пусть развлекается порчей ниток, лишь бы не молчала – Ринна ре-

шила разговорить её и узнать побольше, о том же Рике хотя бы.

– А Рик в Асвард ради тебя приехал? Ради того, чтобы жениться? – девочка наматывала на пальцы ярко-рыжую нить, распустив для этой цели льняной лоскут.

– Может быть. Я не знаю, – пожала плечами Ринна и проказливо улыбнулась, – может быть, у него были и другие дела?

Горничная в предыдущем трактире упоминала, что Рик и Ивар ехали в столицу не с цирком, а сами. Почему, интересно?

– Ты ведь давно знаешь моего Рика? – уточнила она.

– Лет пять или шесть. Он вообще-то из другого цирка. Знаешь, он ведь обещал, что сразу уедет после Ленгара! А привёз тебя.

– Интересно, зачем ему чужие цирки, если у родителей есть свой. Ведь есть же?

– Так говорят, – кивнула Клея. – Но это часто бывает. Он же не один сын. Хозяева договорятся, да и мало ли что ещё. А может, у его цирка квитки в другую сторону. А циркачу всегда с цирком лучше – и помогут, и защитят, если что.

– Что за квитки?..

– Не знаешь? – удивилась девочка, – нельзя выступать, где придётся, надо сначала квиток купить. Это вроде как разрешение работать в городе. А то на праздник в хороший город десять цирков съедутся, и куда им деваться?

– А где эти квитки покупают?

– В городской управе. В Гильдии ещё. Друг у друга хозяева перекупают. Хороший квиток на праздничные дни знаешь сколько стоит!

– Догадываюсь, – согласилась Ринна, – ой, что это? – она разглядела, что накрутила из ниток Клея.

Тонкое туловище, четыре лапы, хвост, голова-клубочек, на ней – рыжие льняные лохмы.

– Это лев, – сказала Клея, – такой большой кот. Он живёт в пустыне, – она сжала в кулаке игрушку и тут же отбросила её от себя.

– Вот как. Ну да, немного похож, – признала Ринна. – Я видела его на гобелене. Он огромный и не такой худой.

– Он мне снился, целую неделю, – сказала Клея. – После того, как тот колдун приходил. Кавертен тогда сам водил меня в храм и купил браслеты, защитные, – она показала тонкие серебряные полоски с узором на обеих руках. – После этого лев пришёл и сказал, что не боится браслетов, и что он заберёт меня потом. И больше не приходил.

– Это же был просто сон, – вздохнула Ринна. – Разве можно верить каждому сну?

– Вот мне и священник это сказал. Только лев обещал, что придёт осенью, на праздник Маленького Господина. Я сказала. Мы не поняли, что это за праздник такой. Кавертен тогда поменялся квитками с другим цирком, сюда должен был идти цирк Баядира, а мы – по их пути, к Предгорьям.

Кавертен сам не желает с колдуном связываться. Вроде бы столица – хорошо, да? Но мы сразу получили приглашение в Ленгар, на день рождения графского наследника! Вот тебе и праздник Маленького Господина! – Клея всхлипнула.

– А когда же это было? Когда ты впервые встретила этого колдуна?

– Полгода назад, в Сороте!

Ринна только головой покачала – устроить праздник на день рождения племянника решено было лишь два месяца тому как.

– А при чём здесь Ярвик и Ярита?

– Ярита знает колдуна. Она... танцевала для него. Но наложницей не была, нет. Она... слишком взрослая для этого. А тут они проездом, мама сказала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.